

Дик Фрэнсис
Напролом
Серия «Кит Филдинг», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121503
Дик Фрэнсис. Напролом: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-81877-8

Аннотация

Когда жокей-стиплер Кит Филдинг решил прийти на выручку своей сестре Холли и ее мужу, профессиональному жокею Бобби Аллардеку, он не подозревал, что окажется втянут в смертельную игру. Бульварная пресса по непонятной причине развязала против Бобби злобную кампанию. А люди, к сожалению, привыкли верить газетам, даже когда газеты лгут... Постепенно обнаруживается, что в дело замешаны весьма влиятельные персоны, которые готовы на все. Сумеет ли Кит взять верх над ними? Впрочем, к риску ему не привыкать. Ведь он рискует жизнью шесть дней в неделю и готов идти напролом...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дик Фрэнсис

Напролом

С любовью и благодарностью моему сыну Меррику, тренеру скаковых лошадей, и Нэнси Брукс Гилберт, координатору телекомпании

Dick Francis
BREAK IN

Copyright © 1986 by Dick Francis

© Хромова А. С., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Кровные узы часто превращаются в цепи. Они несут с собой заботы, проблемы и обязательства. Тем более узы близнецов, которые куда крепче.

Моя сестра Холли появилась на свет через десять минут после меня. Стояло рождественское утро, над заснеженными полями разносился звон колоколов, и все было еще впереди. С тех пор прошло тридцать лет. Холли была моей соседкой по детской, участником игр и потасовок и лучшим другом. Другом она осталась навсегда.

Холли явилась на скачки в Челтенхем и поймала меня между весовой и паддоком. Мне предстоял трехмильный стипль-чез.

– Кит! – решительно сказала она, отыскав меня в группе жокеев и преградив мне путь.

Я остановился. Прочие жокеи обошли нас, как ручей огибает упавший в воду валун. Я увидел следы тревоги, исказившие ее лицо, обычно столь спокойное, и, прежде чем она успела сообщить, зачем приехала, перехватил инициативу:

– У тебя есть деньги?

– Деньги? Зачем? – машинально ответила она, погруженная в свои мрачные мысли.

– Так есть или нет? – повторил я.

– Да... но я...

– Иди на тотализатор, – сказал я. – Поставь все, что у тебя есть, на мою лошадь. Номер восьмой. Иди!

– Но я не...

– Иди! – перебил ее я. – А потом зайди в бар и на оставшиеся деньги возьми себе тройной джин. Потом разыщешь меня – я буду там, где награждают победителей.

– Нет, я не могу...

– Я не могу позволить, чтобы твои проблемы помешали мне прийти первым, – твердо сказал я.

Она встрепенулась, словно очнувшись от сна. Заметила наконец мой жокейский костюм, оглянулась на удаляющиеся спины других жокеев и поняла, что я имею в виду.

– Хорошо? – спросил я.

– Хорошо. – Она сглотнула. – Ладно.

– Потом, – сказал я.

Она кивнула. Но в глазах у нее стояло горе.

– Я разберусь, – пообещал я. – Но потом.

Она снова молча кивнула и пошла прочь, на ходу машинально расстегивая сумочку, чтобы достать деньги. Даже теперь она во всем слушалась своего брата. И бежала к нему со своими самыми страшными бедами, надеясь, что он поможет. Несмотря на четыре года ее замужества, нам обоим это казалось вполне естественным. Мы выросли без родителей, и я с детства привык ее защищать.

Временами я спрашивал себя, что изменилось бы, будь она старше меня на те самые десять минут. Быть может, она относилась бы ко мне по-матерински. Наверно, командовала бы мною... Но Холли всегда говорила, что ей спокойнее быть младшей.

Я направился к выводному кругу, заставив себя забыть о том, что дело на этот раз явно серьезное. Начать с того, что она приехала ко мне за сто пятьдесят миль из Ньюмаркета, а Холли терпеть не может водить машину...

Я энергично встряхнул головой. Сейчас надо в первую очередь думать о коне, которого мне придется укрощать через несколько минут. Я сейчас не чей-то брат. Я сейчас Кит Филдинг, жокей-стиплер. В иные годы я становился чемпионом, в другие – нет, делил ежегодные

почести со многими другими такими же, как я, радовался, когда оставался цел, и склонялся перед судьбой, когда что-то ломал.

На мне были цвета принцессы – женщины средних лет, происходившей из лишившегося трона европейского королевского рода. Она была необыкновенно женственна. Ее обветренная за день кожа походила на потрескавшуюся глазурь на фарфоре. Она, как обычно, была одета в соболью шубку, ниспадавшую с узких плеч. Блестящие черные волосы уложены в высокую прическу. Простые золотые серьги. Я подошел к ней через паддок, засеянный травой, улыбнулся, поклонился, коротко пожал протянутую руку в перчатке.

– Холодный сегодня день, – сказала она почти без акцента и, как всегда, дружелюбно.

Я согласился.

– Вы выиграете? – спросила она.

– Если повезет.

Она улыбнулась одними глазами:

– Будем надеяться.

Мы смотрели, как ее коня водят по кругу. Его темно-гнедая голова была низко опущена, весь корпус от холки до хвоста укрыт темно-синей попоной с вышитым золотом гербом. Принцесса дала ему кличку Норт-Фейс, в честь горы – она любила горы; и конь оказался таким же холодным, суровым и неприступным, как та вершина, чье имя он носил. Упрямый, вредный, нервный, взбалмошный. Я ездил на нем во время его первого выступления – барьерная скачка для трехлеток, а также на барьерных скачках в четыре, пять и шесть лет. Я скакал на нем в его первом стипль-чезе – в семь лет, и в его лучшие годы – в восемь и девять. Он меня терпел, когда был в хорошем расположении духа, а я знал наизусть все его подлые уловки. В десять лет он был все такой же норовистой тварью, как и раньше, и по-прежнему брал препятствия с ловкостью кошки. За эти годы он выиграл тридцать восемь скачек, и тридцать семь из них – со мной. Дважды он нарочно спотыкался в паддоке и, к моей ярости, сбрасывал меня на землю. Трижды мы вместе падали после препятствия, и каждый раз он целым и невредимым поднимался и убегал прочь, не теряя присутствия духа и воли к победе. Я и любил, и ненавидел его. Он был одним из фаворитов.

Мы с принцессой встречались в паддоке столько раз, что уже и счет потеряли: у нее редко бывало меньше двадцати взрослых лошадей, и я постоянно ездил на них в течение последних десяти лет. Наши с ней разговоры ограничивались односложными репликами, но мы понимали друг друга с полуслова. Я успел проникнуться к ней доверием и уважением, и, насколько я понимал, это было взаимным. Она звала меня «Кит», я звал ее «принцесса» (по ее просьбе), и мы были достаточно близкими друзьями. Однако эти отношения кончались у ворот ипподрома. Когда мы встречались в другой обстановке, принцесса держалась куда официальнее.

Нас было только двое. Такое случалось часто. Уайкем Фарлоу, тренер Норт-Фейса, страдал мигренью. Я заметил, что приступы мигрени обычно случались у него в самые холодные дни. Возможно, мигрень действительно как-то связана с погодой, но вероятность возникновения приступов была также прямо пропорциональна расстоянию от кресла Уайкема до места скачки. Конюшня Уайкема находилась к югу от Лондона, и на север, в Челтнем, он теперь выбирался очень редко. Он старел и не хотел признаваться, что попросту боится ехать домой в темноте, а зимой темнеет рано.

Жокеям подали сигнал садиться в седло, и Дасти, главный конюх, который теперь все чаще и чаще представлял Уайкема на скачках, сбросил с Норт-Фейса попоны и ловко подсадил меня.

– Желаю удачи! – сказала принцесса.

– Спасибо! – жизнерадостно ответил я.

На скачках никто не говорит «Ни пуха ни пера» или «Чтоб тебе шею свернуть» вместо «Желаю удачи». Потому что возможность свернуть себе шею более чем реальна.

Норт-Фейс был в самом дурном расположении духа. Я почувствовал это сразу, как только очутился в седле и сунул ноги в стремяна. Мысленная связь между мною и этой лошастью всегда была особенно сильной, поэтому я про себя выругал его и приказал ему уgomониться и подумать о том, как выиграть эту скачку. Мы направились на продуваемую ветром скаковую дорожку, не прекращая мысленно переругиваться.

Приходилось надеяться, что, когда начнется настоящая борьба, воля к победе возьмет в нем верх над вредностью. Так бывало почти всегда, но иногда энтузиазм просыпался слишком поздно. Вот именно в такие дни, как сегодня, когда он буквально исходил злобой.

На него не действовали ни ласковые слова, ни поглаживания, ни чесание за ухом. Ласки Норт-Фейс не любил. Он искал состязания воли – и во мне он, как правило, находил достойного соперника.

Пока зачитывали список, мы кружили у старта и подтягивали подпруги. Всего в скачке участвовало семь лошадей. Дождались, пока подойдет время старта, – лица жокеев успели посинеть от холода на пронизывающем ноябрьском ветру, – и выстроились в линию без особого порядка (на стипль-чезах не бывает стартовых кабинок), выжидая, пока упадет лента.

Норт-Фейс в ответ на все происходящее опустил голову и взбрыкнул, точно дикий мустанг. Прочие всадники выругались и отодвинулись подальше, а стартер приказал мне отъехать назад.

Эти скачки сулили больше престижа, чем выгоды – приз был невелик. Их спонсоры, владелец и редакторы газеты «Воскресный глашатай», рассчитывали получить достойное зрелище за минимальную цену. Скачки на приз «Воскресного глашатая» происходят ежегодно, и, разумеется, сегодняшние станут гвоздем следующего номера газеты. Скандалы будут вытеснены с первой полосы самовосхвалениями и фотографиями наиболее впечатляющих моментов скачек. Впрочем, фотографии жокея Филдинга, вылетевшего из седла на старте, там не будет. Я обозвал Норт-Фейса ублюдком, гадом и вонючей свиньей. На этой изысканной ноте мы и начали скачку.

Норт-Фейс упирался, как осел, и мы продвигались вперед очень медленно, с первых же шагов отстав на добрых десять корпусов. То, что старт был виден с трибун, а не скромно спрятан где-нибудь в дальнем углу, делу отнюдь не помогало. Норт-Фейс ухитрился еще пару раз поддать задом, чтобы позабавить почтеннейшую публику. Не всякая лошадь способна на такое на подходе к первому препятствию Челтенхема!

Он нехотя взял препятствие, на той стороне едва не остановился совсем и еще раз поддал задом, прежде чем двинуться дальше. Седло и всадник его явно угнетали как телесно, так и духовно.

Впереди – два полных круга. Девятнадцать препятствий. Соперники далеко впереди и уходят все дальше.

– Скачи, ты, ублюдок! – в ярости заорал я. – Давай скачи, а не то я тебя на мясо пушу, своими руками пристрелю, дерьмо! Если ты думаешь, что тебе удастся меня стряхнуть, так ты ошибаешься! Ты от меня никуда не денешься! Так что скачи, ты, гад ползучий! Скачи, ублюдок, гад, тебе ведь это нравится, ну, давай же!..

Такое уже бывало, и не раз, но хуже, чем теперь, не было никогда. У второго препятствия он не обратил никакого внимания на мои посылы и взял его через пень-колоду, а за следующим поворотом попросту отказался идти галопом.

Однажды, когда он был в таком же поганом настроении, я попытался не бороться с ним, а попросту предоставить ему самому разобраться в своих собственных чувствах. И через несколько шагов он взял и совсем остановился. Так что выхода не было: надо продолжать добиваться своего, пока эта дурь из него не выйдет.

Приближаясь к следующему препятствию, он замедлил ход, словно испугался спуска под гору, хотя я отлично знал, что вовсе он не испугался. А после следующей за ним канавы с водой он приземлился с опущенной головой и поддал спиной. Другой жокей почти наверняка вылетел бы из седла, но я слишком хорошо знал все его штучки и потому удержался. Но после всех этих фокусов мы отстали от других лошадей почти на триста ярдов и серьезно выбились из графика.

Я действительно готов был его убить. Опять мы упускаем верную победу, и все из-за его проклятого упрямства! Во всех подобных обстоятельствах я клялся себе, что никогда больше не сяду на эту скотину. Никогда! Ни за что на свете! Я и сам почти верил в это.

И вдруг, словно капризный ребенок, который понял, что зашел слишком далеко, Норт-Фейс пустился вскачь. Он пошел ровным галопом, ярость улетучилась, его охватил прилив боевого духа, как всегда бывало под конец. Но мы уже отстали на полтора фарлонга! Догнать соперников, ушедших вперед более чем на триста ярдов, теоретически означало то же самое, что выиграть с тем же отрывом. Мы потеряли целую милю; на то, чтобы отыграться, оставалось только две. Безнадёжно.

Но ведь надежда умирает, как говорится, последней...

Мы пошли на второй круг, ярд за ярдом сокращая разрыв. Но, когда мы повернули к двум последним препятствиям, мы все еще были на десять корпусов позади лошади, устало плетущейся в самом хвосте. Мы обогнали ее у первого из препятствий. Теперь мы не были последними – но что толку? Впереди пять лошадей, еще не вымотанных долгой скачкой, готовых к финишному рывку в гору.

Все они взяли последнее препятствие раньше Норт-Фейса. В прыжке он отыграл, должно быть, футов двадцать. Приземлившись, он поскакал дальше так резво и энергично, словно и не он вовсе только что устраивал мне родео.

Я смутно слышал шум толпы – обычно он сюда не долетал. Норт-Фейс прижал уши и помчался вперед упрямым, кровожадным галопом, стремясь к победе. Он знал, что победа – его по праву, и, хотя он только что так своевольно пытался от нее отказаться, в душе он все время стремился к ней и только к ней.

Я прижался к его шее, чтобы уменьшить сопротивление воздуха, крепко стиснул повод, напрягся и замер, перенеся весь вес на плечи лошади, подгоняя ее лишь мыслями и легкими движениями повода. Теперь все дело было лишь в том, чтобы дать этому удивительному созданию максимум шансов проявить свою силу.

Другие лошади устали. Подъем их явно утомил. Еще бы! Норт-Фейс вихрем пронесся мимо, и внезапно оказалось, что впереди осталась лишь одна лошадь. Жокей явно решил, что победа у него в кармане, и ослабил повод.

Жалко его, конечно, но для меня это был подарок судьбы. Норт-Фейс обошел его в нескольких скачках от финишного столба. Я услышал отчаянный вопль жокея.

«В последний момент! – подумал я, переходя на рысь. – Помилование на эшафоте».

Я больше не слышал мыслей лошади – только туманные чувства, которые человек, видимо, интерпретировал бы как самодовольство. Хорошие лошади обычно сознают, что победили. Они гордо вскидывают голову и раздувают ноздри. Некоторые явно бывают угнетены, когда проигрывают. Чувства вины они не испытывают никогда. Ни вины, ни стыда, ни сострадания они не ведают: в следующий раз Норт-Фейс наверняка снова попытается меня сбросить.

Принцесса встретила нас там, где расседлывают лошадей. Глаза ее сияли, щеки покраснелись. Глаза блестели оттого, что мы выиграли, а щеки горели от стыда за Норт-Фейса. Я растегнул подпруги, взял седло на руку и немного задержался перед тем, как идти взвешиваться.

– Вы молодец! – сказала она.

Я слегка улыбнулся:

– А я уж думал, вы будете сердиться.

– Он сегодня особенно строптив.

– И все же великолепен!

– Сейчас будут вручать приз.

– Я выйду, – пообещал я и оставил ее налетевшим репортерам. Репортеры принцессу любили и в целом обращались с ней достаточно почтительно.

Я отправился взвешиваться. У жокея, которого я обошел в последний момент, был пристыженный вид, но, в конце концов, он сам был виноват и прекрасно это знал. Возможно, владельцы лошади дадут ему от ворот поворот. Но больше никто не обращал внимания ни на его промах, ни на мою победу. Это уже в прошлом; сейчас надо думать о следующей скачке.

Я отдал шлем и седло служащему, причесался и добросовестно отправился принимать поздравления.

Ипподром (в лице председателя совета директоров) поблагодарил газету «Воскресный глашатай» за щедрость, а газета «Воскресный глашатай» (в лице ее владельца, лорда Вонли) ответила, что она всегда рада поддержать национальный спорт и его любителей.

Щелчки фотокамер.

Холли нигде не видно.

Супруга владельца газеты, сухопарая покрашенная добродушная леди, вышла вперед в своем аккуратном костюме «от кутюр», поздравила принцессу, пожала ей руку и вручила приз – позолоченную статуэтку средневекового глашатая в фут высотой. Принцессе вручили также еще одну позолоченную фигурку поменьше, предназначенную для Уайкема Фарлоу. Я же в свою очередь получил улыбку, рукопожатие, поздравления, но, к моему удивлению, золотых запонок с изображением глашатая (это были бы уже третьи) мне не дали.

– Мы боялись, что скачку снова выиграете вы, – любезно пояснила леди Вонли, – и потому в этом году приготовили для вас такую же статуэтку, как и для других.

И она вложила мне в руки позолоченного человечка, заменявшего газету в те времена, когда печать еще не изобрели.

Я от души поблагодарил ее. Запонок у меня уже и так было больше, чем рубашек с манжетами, к которым нужны запонки.

– Какой был изумительный финиш! – с улыбкой сказала она. – Муж был прямо вне себя! Он говорит, вы прилетели из ниоткуда, прямо как стрела!

– Ну, нам повезло.

Я машинально заглянул ей за спину, собираясь поприветствовать ее сына, который всегда посещал эту скачку вместе с родителями – крутился рядом, выполнял какие-то поручения. Услужливый, не особенно умный, но приятный молодой человек.

– А где же ваш сын? – спросил я.

Радостное оживление леди Вонли приулегло. Она невольно оглянулась на мужа, который не слышал моего вопроса, и неловко ответила:

– Его сегодня нет.

– Мне очень жаль, – сказал я не по поводу отсутствия Хью Вонли, а потому, что в семье, очевидно, произошло что-то неприятное. Она кивнула и поспешно отвернулась. Я мельком подумал, что, видно, неприятности серьезные и начались совсем недавно, раз она готова разрыдаться при одной мысли о них.

Принцесса пригласила лорда и леди Вонли к себе в ложу, и они с удовольствием приняли ее приглашение.

– И вы тоже приходите, Кит! – сказала она.

– У меня еще один заезд.

– Ну приходите после него!

– Хорошо. Спасибо.

Все оставили свои призы на столике – на них еще должны были выгравировать памятные надписи, – я вернулся в раздевалку, а принцесса и супруги Вонли удалились в ложу.

Принцесса всегда приглашала меня в свою ложу – она любила поговорить о лошадях. Она хорошо знала и любила их всех. Принцесса предпочитала ездить на скачки туда, где у нее были свои ложи: в Челтенхем, в Аскот, в Сандаун и в Лингфилд. На другие скачки она ездила только в том случае, если ее приглашали друзья, у которых там были свои ложи. Ее демократизм не доходил до того, чтобы стоять в толпе на открытых трибунах и орать вместе со всеми.

Я вышел переодетым к следующей скачке, и мне в локоть немедленно вцепилась Холли.

– Выигрыш забрала? – осведомился я.

– Никак не могла до тебя добраться! – сердито пожаловалась она. – Эти служители никого не пускают, и еще вся эта толпа...

– Слушай, извини, у меня сейчас опять скачка.

– Тогда сразу после нее!

– Ладно.

Моя лошадь в этой скачке, в отличие от Норт-Фейса, не представляла ничего особенного. Туповатая, со средней резвостью. Однако мы очень старались, пришли третьими, так что владельцы и тренер в общем и целом остались довольны. Мне будет на хлеб с маслом, они окупят расходы. Рутинка скачек...

Я взвесился и поспешно переоделся в уличную одежду. Когда я вышел, Холли уже поджидала меня снаружи:

– Кит! Наконец-то!

– Хм... – сказал я. – Видишь ли, меня ждет принцесса...

– Нет! Кит! – отчаянно воскликнула она.

– Ну это ведь моя работа.

– «Женщина, не суйся в офис», да?

Я сдался:

– Ну ладно. Что стряслось?

– Ты это видел? – Она достала из сумочки и сунула мне под нос страницу из газетки «Ежедневное знамя». – В раздевалке никто ничего не говорил?

– Нет и нет, – ответил я, беря у нее газету и глядя в то место, куда она взволнованно тыкала пальцем. – Я такой дряни не читаю.

– Господи, так ведь и мы тоже не читаем! Но ты взгляни!

Я посмотрел на заметку, жирно подчеркнутую красным карандашом, под рубрикой «Частная жизнь». Всем было известно, что на этой странице печатаются сведения либо устаревшие, либо грязные и, во всяком случае, предназначенные для того, чтобы раздувать скандалы.

– Вчерашняя, – сказал я, поглядев на дату.

– Вчерашняя. Ты читай, читай!

Я прочел заметку. В ней говорилось следующее:

«Поговаривают, что Робертсону (Бобби) Аллардеку (32 года), тренеру скаковых лошадей, сынку финансового воротилы Мейнарда Аллардека (50 лет), пришел каюк. Бобби никогда не был любимцем папеньки (они даже не разговаривают!). А теперь Бобби, скверный мальчишка, купил больше, чем может оплатить. А папаша ему на помощь почему-то не рвется. Ждите новых сообщений на этой полосе».

Робертсон (Бобби) Аллардек, тридцати двух лет от роду, был мужем моей сестры Холли.

– Это оскорбление, – сказал я. – Бобби может подать в суд.

– На какие шиши? – осведомилась Холли. – У нас денег нет. А вдруг мы проиграем?

Я взглянул на ее встревоженное лицо.

– Так это правда? – спросил я.

– Нет. Да. Отчасти. Да, конечно, он приобрел больше, чем может оплатить. Все так делают. Он купил лошадей. Сейчас ведь идут ярмарки годовалых жеребят, черт возьми! Каждый тренер покупает годовичков, на которых у него нет денег. Так принято, ты же знаешь.

Я кивнул. Тренеры покупают жеребят на аукционах в кредит для владельцев, рассчитывая, что те потом оплатят покупку, или в порыве энтузиазма приобретают жеребенка для себя, рассчитывая, что кто-нибудь из владельцев за него заплатит. А владельцы иногда идут на попятную, когда жеребенок уже куплен. А временами тренеры покупают пару жеребят для себя, чтобы вырастить их и потом продать за хорошие деньги. Во всяком случае, во время аукционов часто случается, что люди занимают в банке огромные суммы на короткий срок.

– И много лишних лошадей купил Бобби? – спросил я.

– Само собой, в конце концов он их всех продаст! – стойко ответила Холли.

Само собой. Да, конечно. Быть может.

– Так сколько?

– Три. Трех жеребят.

– И много вы задолжали?

– Больше ста тысяч.

– Банк за них заплатил?

Она кивнула:

– Конечно, в конце концов все будет в порядке, но как эта паршивая газетенка об этом пронюхала? И зачем вообще писать об этом в газете? Какой смысл?

– И что произошло? – спросил я.

– А то, что теперь все, кому мы должны, звонят и требуют вернуть деньги. И угрожают. Обещают подать в суд. Это ужасно! Вчера весь день... а сегодня утром позвонил торговец кормами и сказал, что не будет поставлять корма, пока мы не заплатим по счету, а у нас три десятка лошадей, и всех надо кормить, а владельцы все время звонят и спрашивают, думает ли Бобби продолжать работать с лошадьми, и прозрачно намекают, что не прочь бы забрать своих лошадей...

– И это все из-за какой-то статейки? – не поверил я.

– Да! – На глазах у Холли внезапно показались слезы. – Кто-то распихал эту газетку по почтовым ящикам половины торговцев в Ньюмаркете, открытую на этой самой заметке, отчеркнутой красным карандашом, – вот так же, как тут. Ее показал мне кузнец. Эту газету подсунули ему. Он пришел перековать нескольких лошадей и заставил нас заплатить ему вперед. Так, вроде бы шутя. Но тем не менее... А многие просто открыто хамят.

– А не можете вы просто заплатить всем, кому должны, и пусть себе заткнутся?

– Ты же знаешь, что не можем! Банк не будет оплачивать наши чеки. Нам приходится платить постепенно. Мы всегда так делаем. Мы всем заплатим, пусть они только подождут!

Бобби и Холли, как и многие люди, жили в кредит; чеки, поступающие от владельцев лошадей, тут же уходили на оплату счетов за фураж, накладных расходов, жалованье конюхам и налоги. А владельцы иногда медлят с оплатой по нескольку месяцев, а кормить лошадей и платить конюхам надо вовремя. Так что сводить концы с концами было не так-то просто.

– Ладно, – сказал я, – поди возьми себе еще один тройной джин, а я пока поговорю с принцессой.

Глава 2

Принцесса Касилия, мадам де Бреску (если называть ее полным именем), как обычно, пригласила к себе в ложу на ленч нескольких друзей. Поэтому в ее ложе, кроме нее самой и супругов Вонли, было еще несколько дам, одетых в меха, и джентльменов в твидовых костюмах. Всех их я уже встречал раньше в подобной обстановке.

– Вы ведь знакомы со всеми присутствующими? – спросила принцесса, и я кивнул, хотя половины их я по имени не помнил.

– Чаю? – спросила принцесса.

– Да, пожалуйста.

Та же официантка, что всегда, как обычно, с улыбкой ловко подала мне полную чашку чаю. Без молока, без сахара, с ломтиком лимона.

Принцесса наняла дизайнера, чтобы отделать свои ложи на ипподромах, и все они были одинаковы: стены, обитые бледно-персиковой тканью, кофейного цвета ковер, стеклянный обеденный стол, удобные стулья. Я заходил к принцессе обычно ближе к вечеру, и в это время стол, как и сейчас, бывал отодвинут к стене, и на нем стояли только тарелки с сэндвичами и пирожными с кремом, вина и коробка сигар. Друзья принцессы обычно засиживались у нее подолгу после окончания последней скачки.

Одна из дам протянула мне тарелку с крохотными и очень аппетитными пирожными.

– Нет, спасибо, – вежливо ответил я. – Как-нибудь в другой раз.

– Кит такого не ест, – пояснила принцесса своей подруге. – Не искушайте его. Он ведь наверняка голоден.

Подруга принцессы смутилась:

– О господи! Я и не подумала... И он ведь такой высокий.

– Я вообще-то довольно много ем, – сказал я. – Но только не пирожные.

Принцесса, которая имела некоторое представление о непрестанной борьбе, которую я веду за то, чтобы мой вес не перевалил за норму, бросила на меня взгляд из-под ресниц и недоверчиво улыбнулась.

А подругу явно разобрало любопытство.

– А что же вы едите, если не едите пирожных? – поинтересовалась она.

– Омаров, к примеру, – сказал я.

– О боже!

Ее спутник критически взглянул на меня поверх своих пышных усов и крупных передних зубов.

– Поздновато вы стартовали в большой скачке, вам не кажется? – спросил он.

– Боюсь, что да.

– Я все никак не мог понять, что вы там возитесь в самом хвосте. Вы ведь едва не проиграли скачку! Знаете, как волновалась принцесса, а? И мы тоже волновались. Мы ведь все ставили на вас.

– Норт-Фейс очень норовист, Джек, – заметила принцесса. – Я ведь вам говорила. Он слишком своеволен. Иногда его бывает трудно заставить скакать.

– Работа жокея в том и состоит, чтобы заставить лошадь скакать! – В голосе Джека зазвучали воинственные нотки. – Или вы думаете иначе, а?

– Нет, – сказал я. – Я тоже так думаю.

Джек отчасти смутился. Принцесса чуть приметно улыбнулась.

– Зато потом вы его разогрели! – вмешался лорд Вонли, слышавший наш разговор. – Финиш был потрясающий! Из тех, о которых молится любой спонсор. Запоминающийся.

Будет о чем поговорить, будет что вспомнить. «А вы видели, как финишировал Норт-Фейс в скачке «Воскресного глашатая»? Великолепно, не правда ли?»

Джек надулся и отошел. Серые глаза лорда Вонли добродушно смотрели на меня с его широкого доброго лица. Он с искренним одобрением похлопал меня по плечу.

– Третий раз подряд! – сказал он. – Мы вами гордимся. Вы бы не зашли как-нибудь вечером к нам в типографию, посмотреть, как печатается газета?

– Хорошо, – сказал я, несколько удивленный. – С удовольствием.

– Мы бы напечатали фотографию, на которой вы смотрите, как печатают вашу фотографию...

«Нет, – подумал я, – это не просто добродушие. Это мышление профессионального газетчика».

Лорд Вонли получил «Глашатай» в наследство лет в пятьдесят от своего отца, одного из газетных баронов старого закала, которые пробились на сцену в тридцатых годах и принялись поставлять потрясающие новости к завтраку миллионам англичан. Вонли-старший приобрел находящийся на последнем издыхании провинциальный еженедельник и превратил его в великолепную газету, которую читают по всей стране. Он вытащил ее на Флит-стрит, сделал ей имя и в нужный момент создал ежедневную версию, которая процветала по сей день, невзирая на саркастические замечания со стороны более новых соперниц.

Старик был колоритной личностью, этаким бизнесменом с пиратскими замашками. Сын его был поспокойнее. Хороший распорядитель с большими способностями к рекламе. «Глашатай», некогда бывший довольно шумной газеткой, в последние десять лет скорее тяготел к солидности. Сразу стало заметно, что газета перешла в другие руки.

Я подумал о Хью Вонли, сыне нынешнего владельца, наследнике династии: мягкий, слабовольный молодой человек, сейчас к тому же, похоже, не в ладах с родителями. Когда «Глашатай» перейдет к нему, он превратится в нечто плоское, конфетно-карамельное – если вообще выживет.

«Ежедневное знамя», все еще переживающее период крайней беспардонности, было одним из самых резких противников «Глашатая». Недавно, после ожесточенных финансовых интриг, эта газета перешла в руки одного напористого бизнесмена. Про него говорили, что этот человек рвется к власти и к титулу пэра и избрал верный путь, ведущий к тому и к другому. «Знамя» было шумным, суетливым, пронырливым, старательно нарушало все мыслимые табу и каждый день хвалилось новыми подписчиками.

Поскольку мы с лордом Вонли несколько раз виделись на торжественных обедах, где раздавали различные ежегодные призы (лучшему жокею года, ведущему тренеру, владельцу лучшей лошади года и так далее), а у меня из головы не выходило несчастье Холли, я спросил, не знает ли он, кто является ответственным за рубрику «Частная жизнь» в «Знамени».

– Ответственным? – переспросил лорд Вонли с таким видом, словно он святее самого папы. – Вы хотите сказать – «безответственным»?

– Ну безответственным.

– А вам, собственно, зачем? – поинтересовался он.

– Они опубликовали безобразную и, по всей видимости, бессмысленную заметку, направленную против моего зятя.

– Хм... – сказал лорд Вонли. – Это очень печально. Видите ли, друг мой, публика очень любит такие бессмысленные нападки. Сокрушительная критика пользуется спросом, а доброжелательность – никоим образом. Так говаривал мой покойный отец, а он редко ошибался.

– И к черту всякую там справедливость, – заметил я.

– Что поделаешь! Мир жесток. Так было, так есть, так будет всегда. «Христиан бросают на растерзание львам! Спешите занять лучшие места! Кровавое зрелище гарантировано!» Видите ли, дорогой мой, люди покупают газеты, чтобы полюбоваться на то, как терзают

жертву. Скажите «спасибо», что хотя бы львам никого не бросают – слава богу, настолько-то мы продвинулись вперед. – Он улыбнулся, словно разговаривал с ребенком. – А «Частную жизнь», да будет вам известно, пишет целая орава репортеров, которые выкапывают жаренные факты, да еще множество осведомителей в больницах, моргах, ночных клубах, полицейских участках и прочих менее «горячих» местах, которые сообщают обо всяких грязных событиях и получают за это деньги. Мы в «Глашатае» делаем то же самое. Это делают в любой газете. А иначе, дорогой мой, такие колонки захирели бы очень быстро.

– Я хотел бы знать, откуда взялась та заметка о моем зятю. Кто и кому об этом сообщил. Если вы понимаете, что я имею в виду.

– Хм... – В серых глазах появилась задумчивость. – Редактор «Знамени» – Сэм Леггат. Можете, конечно, спросить у него, но даже если он и узнает, вам он ничего не скажет. Так что, боюсь, мой дорогой, это все равно что биться головой о стену.

– И вы это одобряете, – сказал я, судя по его тону. – Один за всех, все за одного, не следует выдавать осведомителей, и так далее.

– Если вашему зятю причинен реальный ущерб, – вежливо ответил лорд Вонли, – пусть его адвокат отправит Сэму Леггату письмо, угрожая подать в суд за клевету, если они немедленно не напечатают опровержение. Это иногда действует. Если это не поможет, ваш зять может подать в суд и попытаться получить компенсацию за моральный ущерб. Но я на вашем месте посоветовал бы ему этого не делать. На «Знамя» работают самые лучшие адвокаты, и действуют они очень грубо. Они вытащат на свет божий самые невинные секреты вашего зятя и распишут их самыми черными красками. Он пожалеет, что ввязался в это дело. Оставьте это, мой дорогой, я вам как друг советую.

Я рассказал ему о заметке, которую обвели красным и рассовали по ящикам торговцев.

Лорд Вонли нахмурился.

– Тогда скажите ему, пусть ищет осведомителя у себя под боком, – сказал он. – Такие заметки в колонках светской хроники часто возникают в результате обычных склок с соседями. – Он снова улыбнулся. – Добрая старая склока! Что бы делали без нее несчастные газеты?

– Какое признание! – насмешливо заметил я.

– Да, но при этом мы выступаем за мир, свободу, братство, гармонию, здравомыслие и справедливость, – ответил он. – Смею вас заверить, дорогой мой, что это так и есть!

– Да, – сказал я. – Я уж вижу.

Принцесса коснулась руки лорда Вонли и предложила выйти на балкон, посмотреть последний заезд. Но он ответил, что ему нужно вернуться к гостям «Глашатае», которых он на время оставил в комнате спонсоров. Он забрал жену и удалился.

– Ну, Кит, – сказала принцесса, – теперь, когда все на балконе, расскажите, что там было с Норт-Фейсом.

Мы, как обычно, уселись на стоявшие рядом стулья, и я без утайки рассказал ей обо всем, что произошло между нами.

– Вы знаете, – задумчиво сказала она под конец, – мне хотелось бы так же, как вы, понимать, что думают лошади. Я пыталась прикладывать голову к их головам, – она смущенно улыбнулась, – но ничего не слышала. Совсем ничего. Как вы это делаете?

– Не знаю, – ответил я. – И, наверно, прикладывать голову к голове бесполезно. Я их слышу, только когда сажусь в седло. Это вообще нельзя выразить словами. Это просто есть. Оно приходит само. Это бывает со многими наездниками. Лошади владеют телепатией.

Она смотрела на меня, склонив голову набок.

– Но вы, Кит, умеете обмениваться мыслями не только с лошадьми. Вы часто отвечаете на вопросы, которые я только собираюсь задать. Честно говоря, это немного смущает. Как вы это делаете?

Я удивился:

– Не знаю...

– Но вы отдаете себе отчет в том, что вы это делаете?

– Ну... я знаю, что такое бывало. Вот мы с моей сестрой Холли – мы близнецы – одно время обменивались мыслями. Просто как будто разговаривали. Но за последние несколько лет мы разучились.

– Как жаль, – сказала принцесса. – Такая интересная способность...

– Вообще-то такого быть не может.

– Но ведь это есть!

Принцесса похлопала меня по руке:

– Спасибо вам за сегодняшнюю скачку. Хотя вы с Норт-Фейсом едва не довели меня до сердечного приступа.

Принцесса не спеша встала. Благодаря хорошему воспитанию она умело ненавязчиво заканчивать разговор тогда, когда она этого хотела. Я тоже встал, вежливо поблагодарил за чай. Она улыбнулась, не поднимая ресниц. Она часто улыбалась так – не из кокетства, а затем, чтобы скрыть свои мысли. По крайней мере, мне так казалось.

У нее был муж, к которому она каждый день возвращалась домой, – месье Ролан де Бреску, француз аристократического происхождения, очень богатый и довольно пожилой. Я встречался с ним дважды – хрупкий седоволосый человек в инвалидной коляске, довольно неразговорчивый. Я время от времени справлялся о его здоровье, и принцесса неизменно отвечала, что ее супруг чувствует себя хорошо. По ее голосу и поведению невозможно было угадать, как она к нему относится. Она никогда не проявляла ни любви, ни беспокойства, ни разочарования, ни раздражения, ни радости... ничего.

– У нас будут скачки в Девоне и Эксетере, не так ли? – спросила она.

– Да, принцесса. Бернина и Айсберг.

– Хорошо. Увидимся в четверг.

Я пожал ей руку. После таких побед, как сегодня, мне иногда приходило в голову, что хорошо бы на прощание поцеловать ее в фарфоровую щечку. Она мне очень нравилась. Однако принцесса сочла бы это вопиющей фамильярностью и немедленно вышвырнула бы меня вон. Поэтому я, подражая ее сдержанным манерам, только слегка поклонился и ушел.

– Ну где же ты был столько времени! – жалобно воскликнула Холли. – Эта женщина обращается с тобой как с комнатной собачонкой! Просто противно!

Сестра ждала меня не в уютном кресле в баре, а стоя на холодном ветру возле весовой. Насчет тройного джина я, конечно, шутил – Холли редко употребляла спиртное, – но то, что она даже не могла сидеть спокойно, показывало, как она взволнована.

Последний заезд закончился, толпы зрителей хлынули к автостоянке. Жокеев и тренеров, служащих и конюхов прощались, желая друг другу доброй ночи, хотя было еще только полчетвертого и даже не начинало темнеть. Время возвращаться с работы домой. Работа есть работа, даже если ее конечный продукт – развлечение.

– Ты не поедешь к нам? – спросила Холли.

Я уже за час знал, что она это скажет.

– Хорошо, – сказал я.

Она испытала огромное облегчение, но попыталась скрыть его покашливанием, шуткой и нервным смешком.

– А на чьей машине?

Я поразмыслил.

– Доедем до моего дома. А оттуда – на твоей машине. За рулем буду я.

– Ладно... – Она сглотнула. – И, Кит...

– Не за что, Холли, – ответил я.

Она кивнула. Это был наш старый договор: никогда не благодарить вслух. Мы платили друг другу тем, что в случае нужды немедленно приходили на помощь. С тех пор как Холли вышла замуж, договор был несколько подзабыт, но я чувствовал, что он по-прежнему остается в силе; и она тоже чувствовала это, иначе бы не приехала.

Мы с Холли похожи куда больше, чем большинство братьев и сестер-близнецов, но все же не так, как Виола и Себастьян. По-моему, Шекспир преувеличил. У нас обоих темные вьющиеся волосы и светло-карие глаза, высокий лоб, длинная шея, чуть смугловатая кожа. А вот носы и губы у нас чуточку разные, хотя брови совершенно одинаковые. У нас никогда не бывало впечатления при виде друг друга, что мы смотримся в зеркало, хотя, конечно, лица друг друга мы знаем куда лучше, чем свои собственные.

Когда нам было два года, наши молодые и непоседливые родители оставили нас на бабушку с дедушкой, поехали кататься на лыжах в Альпы и угодили в лавину. Убитые горем родители нашего отца оставили нас у себя и воспитали. Лучших опекунов вряд ли можно было желать, и все же из-за этого мы с Холли держались друг за друга куда крепче, чем могло бы быть в нормальной семье. Мы выдумали свой собственный язык и говорили на нем друг с другом, как бывает со многими братьями и сестрами, а отсюда возникло мысленное общение без слов. Не то чтобы мы могли передавать друг другу свои мысли – мы просто всегда знали, что думает другой. Так сказать, не столько передача, сколько восприятие. И еще, когда нам приходилось ненадолго разлучаться, мы, сами того не зная, зачастую одновременно делали одно и то же: писали письма тетушке в Австралию, брали в библиотеке одну и ту же книгу, под влиянием внезапного порыва покупали одни и те же вещи. Например, мы однажды в один и тот же день, не сговариваясь, купили друг другу в подарок на день рождения роликовые коньки и спрятали их в бабушкином гардеробе. Бабушка к этому времени уже научилась не удивляться, что мы постоянно делаем одно и то же. Она рассказывала, что с тех самых пор, как мы научились говорить, если она спрашивала: «Кит, где Холли?» или «Холли, где Кит?», мы всегда это знали, даже когда мы этого знать не могли.

Наша мысленная связь не только пережила тревоги и сложности взросления и подросткового возраста, но даже укрепились с годами; к тому же мы стали лучше сознавать это, научились сознательно пользоваться ею, и к тому времени, как мы стали взрослыми, наша дружба перешла в новое качество. Конечно, на людях мы цапались и дразнили друг друга, но на самом деле мы были едины и никогда не сомневались друг в друге.

Когда я ушел от деда с бабкой и купил дом на свои сбережения, Холли поселилась у меня. Большую часть времени она работала в Лондоне, но приезжала ко мне каждый раз, когда ей хотелось, приезжала, как к себе домой. Мы никогда не говорили об этом, но оба принимали как должное, что этот дом – не только мой, но и ее тоже.

Так шло до тех пор, пока она не влюбилась в Бобби Аллардека и не вышла за него замуж.

Мысленная связь между нами начала слабеть еще до свадьбы, а после нее исчезла почти совсем. Я даже одно время думал, что Холли закрылась нарочно, но потом сообразил, что я и сам этого хотел: для нее началась новая, совершенно иная жизнь, и мне не стоило цепляться за Холли и лезть ей в душу.

За четыре года наше взаимопонимание ослабло до такой степени, что я даже не заметил, насколько Холли расстроена. А ведь когда-то я сразу почувствовал бы это и сам позволил бы ей узнать, все ли в порядке.

По дороге к автостоянке я спросил, много ли она выиграла, поставив на Норт-Фейса.

– А я все думала, ну когда же ты спросишь! – сказала она.

– Ну так?

– Я пошла на тотализатор, но там был такой хвост, что мне не захотелось стоять в очереди, и я пошла смотреть скачки. Увидела, как ты отстал, и порадовалась, что не стала

ставить на Норт-Фейса. Но тут букмекеры подняли ставки и принялись кричать, что дают за Норт-Фейса пять к одному. Пять к одному! А перед стартом давали один к одному, представляешь? Когда ты проскакал мимо трибун, все свистели, и я рассердилась. Ты ведь всегда делаешь все, что можешь, зачем же они свистят? И я взяла и поставила все свои деньги у одного из букмекеров на пять к одному. Из чувства противоречия, наверно. И выиграла сто двадцать пять фунтов. Хватит, чтобы заплатить водопроводчику. Так что спасибо тебе.

– Водопроводчику тоже прислали «Частную жизнь»?

– А то как же!

– Кто-то очень неплохо знает вашу семью, – сказал я.

– Да. Но кто?! Мы полночи не спали, все думали, кто бы это мог быть. – Голос у нее был несчастный. – Кто может нас так сильно ненавидеть?

– Вы никого не вышибли с работы в последнее время?

– Нет. У нас в этом году подобрались на редкость хорошие конюхи. Куда лучше, чем обычно.

Мы сели в ее машину и поехали туда, где стояла моя.

– Этот твой дом уже достроен? – спросила Холли.

– Строится.

– Странный ты!

Я улыбнулся. Холли любила надежность и определенность, и чтобы все было известно заранее. Когда я вдруг ни с того ни с сего, под влиянием внезапного порыва, купил недостроенный одноэтажный дом – собственно, одни стены, даже без крыши, – у человека, который собирался разориться, Холли решила, что я сошел с ума. Я встретился с ним однажды вечером в нашем пабе, куда зашел съесть бифштекс: он стоял, облокотившись на стойку, и мрачно топил свои горести в пиве. Он сказал, что строил дом для себя, но у него не осталось денег и работа заглохла.

Я знал его уже несколько лет: в лучшие для него времена я ездил на его лошадях. Поэтому наутро мы с ним отправились посмотреть дом. Мне понравилось то, что из него может выйти, и я купил этот дом, с тем чтобы он достроил его для меня. Я каждую неделю оплачивал сделанную работу. Дом должен был выйти классный. Я собирался перебраться в него перед Рождеством, даже если его не успеют закончить: я уже продал свой прежний коттедж, так что мне волей-неволей придется выехать.

– Поезжай к дому, а я за тобой, – сказала Холли. – Только не гони, как на скачках.

Мы не спеша доехали до Ламборна – деревни на Беркширских холмах, населенной в основном тренерами и жокеями, – оставили мою машину в гараже и отправились в Суффолк, в Ньюмаркет, столицу скачек.

Мне нравилась моя маленькая, неофициальная деревушка. А Холли и Бобби чувствовали себя уютнее в городе. По крайней мере, раньше, пока жареный петух не клюнул.

Я рассказал Холли, что лорд Вонли советовал потребовать от редактора «Знамени» опровержения, но в суд ни в коем случае не подавать. Холли попросила, чтобы я поговорил об этом с Бобби. Теперь, когда мы вместе ехали к ней домой, Холли казалась куда спокойнее. Я подумал, что она верит в мою способность все уладить куда больше меня самого. Это ведь совсем не то, что вздуть мальчишку, который пару раз ущипнул ее в школе за задницу. И чуть посложнее, чем заставить торговца подержанными автомашинами принять обратно ту развалюху, которую он ей всучил.

Большую часть пути до Ньюмаркета Холли проспала. А я даже представить себе не мог, во что ввязываюсь.

Мы въехали во двор конюшни Аллардека около восьми вечера. В этот час в конюшне должно было быть темно и тихо, а между тем повсюду горели огни и слышался шум. Посреди двора стоял огромный фургон для перевозки лошадей, все двери нараспашку, пан-

дус опущен. Рядом с фургоном стоял пожилой человек, который наблюдал, как конюх заводит в машину лошадь. Позади него большим желтым прямоугольником светилась дверь денника, где лошадь стояла раньше.

В нескольких шагах от фургона, освещенные, как на сцене, размахивая кулаками, ссорились двое мужчин. Похоже, дело уже дошло до крика.

Один из них был мой зять, Бобби. Другой...

— О боже! — воскликнула Холли. — Это один из наших владельцев! Забирает лошадей! А ведь он нам должен целое состояние!

Она выпрыгнула из машины прежде, чем я успел полностью остановиться, и бросилась к спорящим. Насколько я мог видеть, ее появление отнюдь не способствовало охлаждению бушующих страстей. Похоже, мужчины просто не обратили на нее внимания.

Моя спокойная по натуре сестра совершенно не приспособлена к тому, чтобы вмешаться в ситуацию и разрешить ее в свою пользу. Про себя она полагала, что была бы вовсе не прочь провести всю жизнь дома, у плиты, как полагалось женщине в старые добрые времена. Впрочем, женщина ее поколения тоже могла избрать такой образ жизни — с той разницей, что она могла именно избрать его, а в старые добрые времена его навязывали женщинам насильно.

Я вышел из машины и подошел посмотреть, что здесь можно сделать. Холли бросилась мне навстречу.

— Не мог бы ты остановить его? — взволнованно спросила она. — Ведь если он заберет лошадей, нам своих денег уже не видать.

Я кивнул.

Конюх, который вел лошадь, уже подошел к пандусу, но лошадь упрямылась, не желая заходить в фургон. Я, не раздумывая, подошел к конюху, встал у подножия пандуса, преградив ему путь, и велел парню отвести лошадь на место.

— Чего? — переспросил он. Конюх был молод, невысок и явно ошарашен тем, что я возник перед ним из темноты.

— Отведи лошадь в денник, выключи свет и закрой дверь. Немедленно.

— Но мистер Грейвс приказал...

— Давай-давай, — сказал я.

Он с сомнением поглядел на ссорящихся мужчин.

— Ты из здешних? — спросил я. — Или с фургоном приехал?

— С фургоном. — Парнишка посмотрел на пожилого мужчину, который до сих пор стоял и молчал. — Джим, что мне делать?

— Кто вы такой? — спросил я.

— Шофер. Я здесь ни при чем.

— Вот и ладно, — сказал я парню. — Эта лошадь никуда не едет. Поставь ее на место.

— Вы Кит Филдинг? — с сомнением спросил конюх.

— Да. Брат миссис Аллардек. Ну, действуй!

— Но мистер Грейвс...

— С мистером Грейвсом я разберусь, — сказал я. — Сегодня его лошадь никуда не поедет.

— Лошади, — поправил парнишка. — Одну я уже завел в фургон.

— О'кей, — сказал я. — Они обе остаются здесь. Когда поставишь эту на место, выведи и другую тоже.

Парень нерешительно посмотрел на меня, потом развернул лошадь и повел на ее законное место.

Это сразу положило конец спору перед фургоном. Тот, который не был Бобби, обернулся и крикнул конюху:

— Эй, ты, дерьмо собачье, куда тебя черти несут? Немедленно заводи лошадь в машину!

Парень остановился. Я быстро подошел к нему, взял лошадь за недоуздок и повел ошалевшее от всего этого шума животное домой, в денник. Конюх даже не попытался остановить меня. Я вышел из денника. Погасил свет. Закрыл дверь и запер ее на засов.

Мистер Грейвс (очевидно, это был он) уже мчался ко мне, размахивая кулаками, с самым воинственным выражением на лице.

– Ты чего делаешь, дерьмо собачье? Это моя лошадь! А ну пошел отсюда!

Я встал перед запертой дверью, прислонился к ней спиной, небрежно скрестил ноги, сложил руки на груди. Мистер Грейвс, подбежав ко мне, остановился, не веря своим глазам.

– Пошел прочь! – прогремел он, тыкая перстом в ночное небо. – Это моя лошадь! Я ее заберу, и ты меня не остановишь!

Его пухлое лицо было исполнено самой мрачной решимости. В мистере Грейвсе было всего футов пять от лысеющей макушки до носков начищенных ботинок. Лет под пятьдесят, толстый, рыхлый, он уже выдохся. Ему было явно не под силу сдвинуть меня с места – все-таки я был дюймов на десять выше его.

– Мистер Грейвс, – спокойно сказал я, – вы заберете свою лошадь, как только заплатите по счету.

Он безмолвно разинул рот. Отступил назад, попытался разглядеть мое лицо, но оно было в тени.

– Да-да, это я, – сказал я. – Кит Филдинг. Брат Холли.

Разинутый рот захлопнулся.

– А какого черта вы здесь делаете? При чем здесь вы? Убирайтесь с дороги!

– Чек, пожалуйста, – сказал я. – Чековая книжка у вас с собой?

Он лихорадочно принялся соображать, что ответить. Но я не дал ему времени на размышления.

– Между прочим, – заметил я, – «Ежедневное знамя» заинтересовано в скандальных историях для своего раздела «Частная жизнь». По-моему, владелец, пытающийся спереть своих лошадей под покровом ночной темноты, чтобы не платить тренеру, будет для них лакомым кусочком. А вы как думаете?

– Вы что, угрожаете? – грозно осведомился он.

– Совершенно верно.

– Вы этого не сделаете!

– Да почему же? Я могу даже намекнуть, что, если вы не можете заплатить тренеру, вы, возможно, вообще не в состоянии оплачивать свои счета. Вот тогда-то все ваши кредиторы и слетятся, как стервятники на добычу.

– Но это же... это...

– Да, это самое происходит сейчас с Бобби. А если у Бобби сейчас туго с деньгами – заметьте, я сказал «если»! – то это отчасти благодаря вам и вам подобным, которые не любят платить вовремя.

– Вы не смеете говорить со мной таким тоном! – разъяренно вскричал мистер Грейвс.

– А почему, собственно?

– Я пожалуюсь на вас в Жокей-клуб!

– Да ради бога.

Брехня все это, куда он не пожалуется. Я посмотрел через голову мистера Грейвса на Бобби и Холли, которые стояли достаточно близко, чтобы слышать весь диалог.

– Бобби, – сказал я, – сходи за счетом мистера Грейвса. Проверь, записано ли там все, за что он тебе задолжал. А то другого случая может и не представиться.

Бобби бросился в дом. Холли последовала за ним более осторожно. Конюх, приехавший с фургоном, отступил в тень вместе с шофером. Мы с мистером Грейвсом стояли словно на сцене и ждали.

Пока лошадь стоит в конюшне тренера, тренер может рассчитывать на то, что так или иначе он свои деньги получит, потому что существует закон, позволяющий ему в крайнем случае продать лошадь и окупить убытки. Но если лошадь увезут, деньги он сможет получить только через суд и в любом случае ждать ему придется очень долго. А если владелец обанкротился, то тренер вообще ничего не получит.

Так что лошади Грейвса были залогом благосостояния Бобби.

В конце концов Бобби вернулся, неся длинный счет на трех листах.

– Проверьте! – сказал я Грейвсу. Тот выхватил у Бобби листки.

Он со злобным видом прочел счет от начала до конца и не нашел ничего, к чему можно было бы придраться, пока не дошел до последнего пункта.

– Проценты? – возопил он. – А это что за чушь собачья? Какие проценты?

– Ну, – сказал Бобби, – проценты на те деньги, которые нам пришлось взять в кредит из-за того, что вы давно не платили.

Наступило молчание. С моей стороны молчание было почтительным. Я и не подозревал, что мой зять способен на такое.

Грейвс внезапно овладел собой, поджал губы, сузил глаза и полез во внутренний карман за чековой книжкой. Не торопясь, без гнева, он выписал чек, оторвал его и протянул Бобби.

– А теперь отойдите! – приказал он мне.

– Все нормально? – спросил я у Бобби.

– Да, – ответил он, несколько удивленный. – Все до последнего пенни.

– Вот и хорошо, – сказал я. – А теперь поди и выведи из фургона вторую лошадь мистера Грейвса.

Глава 3

- Чего-чего? – переспросил ошарашенный Бобби.
- Чек, – мягко заметил я, – это всего лишь клочок бумаги, пока его не оплатили в банке.
- Это клевета! – снова вознегодовал мистер Грейвс.
- Это просто предусмотрительность, – возразил я.

Бобби поспешно сунул чек в карман брюк, словно боясь, что Грейвс попытается его отобрать – что было вполне оправдано, принимая во внимание, как последний был разъярен.

– Вот когда мы получим деньги по этому чеку, – сказал я Грейвсу, – можете приехать и забрать своих лошадей. Где-нибудь в четверг или в пятницу. До тех пор Бобби будет держать их бесплатно, но если вы не заберете их до субботы, Бобби снова начнет взимать плату за корм и уход.

Бобби чуть приоткрыл рот – и решительно закрыл его. И без долгих разговоров направился к фургону. Грейвс побежал было за ним, громогласно протестуя, потом вернулся и снова набросился на меня, крича и буквально подпрыгивая на месте:

- Я позабочусь, чтобы об этом стало известно распорядителям!
- А вот это будет очень неразумно с вашей стороны, – заметил я.
- Я аннулирую чек!
- Если вы это сделаете, – спокойно ответил я, – Бобби придется занести вас в список штрафников.

Эта угроза заставила Грейвса заткнуться, словно по волшебству. Человек, занесенный в штрафной список Жокей-клуба за неуплату, с позором изгоняется со всех ипподромов. И, разумеется, его лошади тоже. Мистер Грейвс, похоже, не был готов к подобному унижению.

– Я вам этого не забуду! – злобно заверил он меня. – Вы еще пожалеете, что встали мне поперек дороги! Я об этом позабочусь!

Тем временем Бобби успел вывести из фургона другую лошадь Грейвса. Он поставил ее в денник, а конюх с шофером подняли пандус и закрыли машину.

– Поезжайте, мистер Грейвс, – сказал я. – Возвращайтесь днем и не забудьте предварительно позвонить.

Он глянул на меня исподлобья и внезапно снова сменил тактику – опять поджал губы, сузил глаза и подавил свой гнев. В первый раз, когда он, не торгуясь, подписал чек, я догадался, что он решил его аннулировать.

Похоже, он и на этот раз что-то задумал. Весь вопрос в том, что именно.

Я смотрел, как он спокойно направляется к фургону и нетерпеливо машет рукой конюху и шоферу, чтобы они садились в машину. Потом он сам неуклюже забрался в кабину вслед за ними и захлопнул дверцу.

Завелся мотор. Тяжелая машина взревела, дрогнула и медленно выехала со двора. Грейвс неподвижно смотрел вперед, словно ему надели шоры.

Я отлепился от двери денника и подошел к Бобби.

- Спасибо, – сказал он.
- Кушайте на здоровье.

Он огляделся:

- Все тихо. Пошли домой. Холодно.
- Угу, – сказал я. Мы пошли к дому, но, пройдя пару шагов, я остановился.
- В чем дело? – спросил Бобби, обернувшись ко мне.
- Грейвс, – сказал я. – Что-то он слишком быстро сдался.
- А что ему оставалось?
- Но он мог бы еще попрыгать, поругаться, поугрожать...

– Не понимаю, о чем ты беспокоишься. Он выдал нам чек, его лошади у нас... благодаря тебе.

Его лошади!

Я охнул. Мое дыхание тающими клубами пара повисло на фоне ночного неба.

– Бобби, – спросил я, – у тебя есть пустые денники?

– Да, – удивился Бобби. – В том отделении, где я держу кобыл. А что?

– Как ты думаешь, не стоит ли поставить лошадей Грейвса туда?

– Ты имеешь в виду... ты думаешь, он может вернуться?

Бобби покачал головой:

– Да нет, я его услышу. Я ведь и в первый раз его услышал – хотя, надо сказать, мне просто повезло. Мы ведь собирались в гости. Но из-за всего этого мы были так расстроены, что не пошли.

– А мог ли Грейвс знать, что вы собираетесь в гости? – спросил я.

На лице Бобби появилась тревога.

– Да... Наверно, мог. Приглашение лежит на каминной доске в гостиной. Он заходил к нам в то воскресенье на рюмку виски. Во всяком случае, я услышу, как подъедет фургон. Этого не услышать нельзя.

– А если он остановится в три часа ночи вон на той лужайке, а лошадей выведут в резиновых башмаках, чтобы копыта не стучали?

Бобби пришел в замешательство.

– Но это невозможно! Он на такое не способен! С чего ты взял?

– Он явно что-то задумал. Это было заметно.

– Ну ладно, – сказал Бобби. – Давай переведем их.

Возвращаясь, чтобы вывести лошадь, которая досталась на мою долю, я размышлял о том, что Бобби внезапно сделался необыкновенно покладист. Обычно он воспринимал любое мое замечание как упрек в свой адрес и находил дюжину поводов не последовать моему совету – по крайней мере, до тех пор, пока я не скроюсь из виду настолько, чтобы не узнать, что он меня послушался. А сегодня все было по-другому. Видно, Бобби действительно был всерьез озабочен.

Мы отвели коней Грейвса во второй двор, находившийся с противоположной стороны главного здания конюшни, и поставили их в пустые денники, которые были расположены в разных местах. Оно и к лучшему, подумал я.

– Грейвс сумеет узнать своих лошадей по внешнему виду? – спросил я у Бобби. Вопрос был дурацкий только на первый взгляд: многие владельцы действительно не знают своих лошадей.

– Не знаю, – Бобби пожал плечами. – Никогда не проверял.

– Другими словами, – спросил я, – он узнает их только потому, что знает, где они стоят?

– Да, наверное. Но точно не знаю. Быть может, он знает их лучше, чем я думаю.

– Да? Тогда как насчет того, чтобы устроить нечто вроде сигнализации?

И Бобби не сказал «нет». Мало того, он спросил:

– Где?

Просто невероятно!

– В одном из денников, где они обычно стоят, – сказал я.

– А, понятно. Да. – Он помолчал. – А какую сигнализацию? У меня тут никаких специальных устройств нету. Если нужна охрана – перед скачками, к примеру, – я нанимаю сторожа с собакой.

Я быстро перебрал в уме все, что могло быть у них дома. Крышки от кастрюль? Металлические подносы? Что-нибудь шумное...

– Колокольчик! – сказал я. – Твой старый школьный колокольчик.

Бобби кивнул:

– Он в кабинете. Сейчас принесу.

В кабинете Бобби было несколько полок, уставленных памятными сувенирами его безупречной молодости: крикетные кепочки, серебряные кубки, выигранные на школьных состязаниях, фотографии команды, мяч для регби – и ручной колокольчик, в который Бобби звонил, будучи старшим учеником, подавая младшим мальчикам знак ложиться спать. Бобби был одним из тех стойких мальчиков, исполненных командного духа, на которых опирается вся британская система частных школ; если он и сделался чуточку самодовольным и напыщенным, то это скорее всего оттого, что у него было достаточно много достоинств, очевидных для всех, в том числе и для него самого.

– Принеси молоток, – сказал я. – И несколько крюков, если есть. Если нет, принеси гвоздей. И какую-нибудь веревку покрепче.

– Сейчас.

Бобби ушел и через некоторое время возвратился с колокольчиком в одной руке (он держал его за язычок) и с коробкой с инструментами в другой. Вдвоем мы подвесили колокольчик как можно ближе к дому, так, чтобы, если дернуть за веревку, колокольчик опрокидывался и начинал отчаянно трезвонить. А веревку мы провели через длинный ряд скоб к тому деннику, где обычно стояла одна из лошадей Грейвса, и привязали конец веревки к верху закрытой двери так, чтобы ее было незаметно.

– Вот так, – сказал я. – А теперь иди в дом. Посмотрим, слышно ли оттуда колокольчик.

Он кивнул и ушел в дом. Я подождал, потом отворил дверь денника. Колокольчик зазвонил как бешеный. Бобби вышел и сказал, что это и мертвого разбудит. Мы снова подвесили колокольчик так, чтобы он падал при малейшем рывке, и вернулись в дом в редком одинодушии.

Семьи Филдингов и Аллардеков были связаны со скачками с незапамятных времен. Обе семьи владели кое-какими землями и кое-какими деньгами и люто ненавидели друг друга.

Один из Филдингов и один из Аллардеков зарезали друг друга, добиваясь благосклонности Карла II, в те времена, когда этот король перенес свою резиденцию из Лондона в Ньюмаркет, из-за чего иностранным послам приходилось тащиться в каретах на северо-восток, для того чтобы представиться при дворе.

Один из Аллардеков поставил триста соверенов в скачке двух лошадей на личном ипподроме королевы Анны в Аскоте и проиграл их Филдингу. Филдинга убили и ограбили прежде, чем он вернулся домой.

Во времена Регентства некий мистер Аллардек вызвал одного из Филдингов на состязание в скачках по очень сильно пересеченной местности. Победитель должен был забрать лошадь побежденного. Мистер Аллардек (проигравший) обвинил мистера Филдинга (который выиграл без особого труда) в том, что тот срезал угол дистанции. Спор дошел до прогулки с пистолетами на рассвете. Они аккуратно пристрелили друг друга и оба скончались от ран.

Еще один Филдинг, викторианский джентльмен с буйными усами и еще более буйной репутацией, поссорился с Аллардеком, который, будучи пьян, свалился с лошади на старте Большого Национального приза. Филдинг сказал Аллардеку, что он трус. Аллардек обвинил Филдинга в том, что тот соблазнил его сестру. Оба обвинения были справедливы. Спор был разрешен боксерским поединком на Поле в Ньюмаркете. Филдинг до полусмерти избил Аллардека, который снова был пьян и очень напуган.

К временам короля Эдуарда два семейства были неразрывно связаны кровной враждой и обвиняли друг друга во всех смертных грехах. Один особенно злобный Филдинг купил поместье по соседству с поместьем Аллардеков специально, чтобы досаждать им. Ярост-

ные пограничные споры нередко приводили к вооруженным столкновениям и, разумеется, к судебным разбирательствам.

Прадедушка Бобби спалил сеновал нашего прадедушки (который нарочно выстроил этот сеновал так, чтобы тот как можно больше портил Аллардекам вид из окна), а через неделю нашел своего лучшего скакуна застреленным в поле.

Естественно, что дедушку Бобби и нашего дедулю с детства взрастили во взаимной ненависти друг к другу. Со временем эта вражда превратилась в жестокое профессиональное соперничество, поскольку оба, будучи младшими сыновьями и не имея надежды унаследовать отцовское имение, избрали стезю тренеров скаковых лошадей. Оба приобрели себе конюшни в Ньюмаркете и принялись платить своим конюхам, чтобы те шпионили за врагом. Они задирали нос, когда выигрывали их лошади, и падали духом, когда выигрывали лошади противника, а если их лошади в какой-нибудь скачке занимали первое и второе места, тренер лошади, занявшей второе место, обязательно подавал на апелляцию.

Мы с Холли, будучи воспитаны своим буйным дедушкой, с колыбели только и слышали, что все Аллардеки – подлецы и психи, если не что похуже, и что их надо резать на главной улице Ньюмаркета.

При таком воспитании мы с Бобби, возможно, в свое время тоже сделались бы смертельными врагами, но мой отец погиб, а отец Бобби уехал из Ньюмаркета и занялся торговлей недвижимостью. Конечно, отец Бобби, Мейнард, тоже слышать не мог самого имени Филдингов; и он действительно не разговаривал с Бобби (на этот счет «Частная жизнь» была права) потому, что Бобби Аллардек, невзирая на угрозу лишиться его наследства, осмелился бросить вызов отцовскому гневу, женившись на Холли Филдинг.

Когда Холли было лет тринадцать, ее любимой героиней была шекспировская Джульетта. Холли знала почти всю пьесу наизусть, в особенности роль Джульетты, и строила бесконечные фантазии на тему погибших влюбленных, объединивших враждующие семьи Монтекки и Капулетти. Бобби Аллардек был для нее Ромео, так что она была предрасположена влюбиться в него, даже если бы он не был высок, белокур и хорош собой.

Они случайно встретились в Лондоне (а может, она его нарочно разыскала?) после того, как несколько лет не виделись, и через месяц сделались неразлучны. Ее тайный замысел до некоторой степени увенчался успехом. Во всяком случае, мы с Бобби неизменно были взаимно вежливы. А наши дети, если у нас будут дети, возможно, даже станут друзьями.

Бобби и Холли вернулись в Ньюмаркет. Бобби надеялся получить конюшню своего деда, который к тому времени был болен, но сварливый старик обозвал внука предателем, заставил его выплатить полную рыночную стоимость конюшни и умер, не оставив ему ни пенни.

Нынешние финансовые проблемы Бобби были непросты. Его дом и конюшня (вернее, та их часть, которая еще не была заложена), несомненно, рассматривались банком как залог тех кредитов, которые он взял на покупку жеребят. И если банк вздумает потребовать вернуть кредиты, они с Холли останутся без крыши над головой и без средств к существованию. Перспектива довольно мрачная.

* * *

Как и во многих подобных домах, у Аллардеков часть жизни проходила на кухне. В кухне Холли и Бобби стоял длинный обеденный стол и множество удобных стульев. Гостеприимная комната, со светлой сосновой мебелью, освещенная теплым светом, очень уютная. Когда мы с Бобби вошли в дом, Холли взбалтывала в миске яйца и жарила на большой сковороде лук и зеленый перец.

– М-м, как вкусно пахнет! – сказал я.

– Я просто умираю с голоду! – Холли вылила на сковородку яйца. – Вы, наверно, тоже? Мы съели яичницу с теплой французской булкой и вином. Во время ужина мы почти не разговаривали. Потом Холли встала, чтобы приготовить кофе, и спросила:

– Как тебе удалось заставить убратся Джермина Грейвса?

– Джермина? Это его так зовут? Я ему сказал, что, если он аннулирует чек, Бобби занесет его в штрафной список.

– Не надейся, что я об этом не думал, – сказал Бобби. – Но мы бы все равно проиграли.

Я кивнул. Жокей-клуб заносит владельца в список штрафников, если он задолжал за три месяца или более. Если владелец вернет долг, его вычеркивают из списка. Но, увы, клуб учитывает только основные расходы на содержание и тренировку. А плата ветеринару, кузнецу, перевозка лошадей... А ведь Бобби уже давно оплатил все эти расходы, и штрафной список ему их не возместит.

– И с чего это он вдруг так заторопился забрать своих лошадей? – спросил я.

– Да для него наши проблемы – просто предлог! – воскликнула Холли.

Бобби кивнул:

– Он уже выкинул такую штуку по меньшей мере с двумя тренерами. Задолжает уйму денег, а потом в один прекрасный день тренер приходит и обнаруживает, что лошади исчезли. А потом Грейвс оплачивает только расходы на содержание, чтобы его не внесли в штрафной список, а лошадей у тренера уже нет, и деньги он может получить только через суд, а дело, как правило, того не стоит, и Грейвс выходит сухим из воды.

– Слушайте, а зачем вы вообще с ним связались? – спросил я.

– Мы тогда не знали, что он за птица, – мрачно сказала Холли. – И потом, не могли же мы просто так взять и отказать человеку, который отдает нам двух своих лошадей!

– Да, конечно.

– И вообще, – продолжала Холли, – Джермин – это еще семечки. Хуже всего – торговец кормами.

– Да отдайте ему чек Грейвса!

Холли обрадовалась, но Бобби засомневался:

– Наш бухгалтер ужасно ругается, когда мы делаем такие вещи.

– У вашего бухгалтера нет тридцати голодных лошадей, которые с упреком смотрят ему в глаза.

– Двадцати девяти, – уточнила Холли.

– Двадцати семи, – вздохнул Бобби, – Грейвс-то своих заберет.

– Это с теми тремя непроданными жеребятами? – спросил я.

– Да.

Я потер переносицу. Двадцать четыре лошади, за которых платят, – с этим жить очень даже можно, хотя во времена деда Бобби на конюшне стояло и по сорок. К тому же на носу был период зимнего затишья – Бобби тренировал лошадей только для гладких скачек, – так что расходов будет меньше.

Правда, это означает, что они до марта больше не будут выигрывать призов, но зато и проигрывать не будут.

В гладких скачках зима – спокойное время, время отдыха, отпусков, ремонта конюшен и обьездки жеребят – и проданных, и непроданных.

– Сколько у вас долгов, кроме того, что вы задолжали за жеребят? – спросил я.

Я не ожидал, что Бобби мне скажет. Он и правда поколебался, но потом все же ответил.

Я поморщился.

– Но мы заплатим! – сказала Холли. – В свое время мы непременно заплатим! Мы же всегда расплачиваемся!

Бобби кивнул.

– А с жеребятами так нехорошо вышло! – горячо продолжала моя сестра. – Один из наших владельцев сказал Бобби, чтобы тот купил для него одного из жеребят, и разрешил поднять цену до пятидесяти тысяч. Бобби жеребенка купил, а потом этот владелец позвонил и сказал, что очень извиняется, но жеребенка взять не может, потому что у него денег нет. А если мы выставим его на следующем аукционе, мы много потеряем. Так всегда бывает. Люди решат, что с ним что-то не в порядке.

– Может быть, мне удастся продать его нескольким владельцам, – сказал Бобби. – Разделю цену на двенадцать частей... Но на это нужно время.

– Ну, банк вам время даст! – сказал я.

– Как бы не так! Наш банкир в панике из-за этой проклятой статейки.

– Что, и ему тоже подбросили эту газетенку?

– И ему тоже, – мрачно кивнула Холли.

Я передал Бобби слова лорда Вонли о том, что в газету сообщил кто-то из своих, у кого есть на него зуб.

– Да, но кто? – спросил Бобби. – У нас ведь действительно нет врагов. – Он покосился на меня с беззлой усмешкой. – В свое время я решил бы, что это кто-то из Филдингов.

– Более чем возможно.

– Дедушка?! – воскликнула Холли. – Не может быть! Конечно, он меня так и не простил, но он не мог... ведь правда не мог, Кит?

Мы подумали о старом упрямом грубияне, который до сих пор держал целую конюшню лошадей в полумиле отсюда и каждое утро орал на Поле на своих несчастных конюхов. В свои восемьдесят два года он по-прежнему оставался крепким, жилистым человеком, искусным интриганом, который сожалел лишь о том, что деда Бобби больше нет в живых и не с кем состязаться в хитрости.

Конечно, старый Филдинг был не менее старого Аллардека возмущен этим немислимым браком, но он воспитал нас с Холли и по-своему любил нас. Я не мог поверить, что он способен попытаться разорить свою внучку. Разве что он впал в маразм от старости – такое, к сожалению, случается.

– Надо сходить к нему и спросить, – сказал я.

– Что, прямо сегодня? – Холли взглянула на часы. – Он, наверно, уже спит. Он же рано ложится.

– Утром схожу.

– Мне не хочется, чтобы это оказалось делом его рук, – сказала Холли.

– И мне не хочется.

Мы некоторое время посидели за кофе. Наконец я сказал:

– Составьте список всех людей, про которых вы знаете, что им подсунули это «Знамя» с выделенной статьей. Завтра попробую зайти кое к кому. По крайней мере, к тем, кого застану в воскресенье.

– Чего ради? – спросил Бобби. – Надеешься, что они передумают? Не надейся. Я уже пробовал. Они говорят, что им нужны деньги, причем немедленно. Люди привыкли верить тому, что пишут в газетах. Даже если это вранье.

– М-да, – сказал я. – Но я не только собираюсь лишний раз заверить их, что им заплатят. Я хочу узнать, не видел ли кто-то из них, кто принес эту газету. Спросить, когда она пришла. Короче, восстановить точную картину.

– Ладно, – сказала Холли. – Список мы составим.

– А потом, – сказал я, – надо вычислить, кто мог знать, с кем вы имеете дело. Кто мог составить такой же список. Хотя, конечно, – задумчиво продолжал я, – эту же газету могли получить и десятки других людей, которым вы ничего не должны.

– Я не знаю, – сказала Холли. – Мы об этом не думали.

– Ничего, завтра выясним.

Бобби зевнул.

– Почти всю ночь не спал, – пояснил он.

– Да, Холли мне говорила.

Снаружи внезапно послышался звон, резкий и настойчивый. Быть может, мертвого он и не разбудил бы, но лошадей в денниках разбудил наверняка.

– О господи! – Бобби вскочил на ноги так резко, что опрокинул стул. – Он вернулся!

Мы высыпали во двор, готовые схватить Джермина Грейвса на месте преступления, похищающим своих собственных лошадей. И действительно обнаружили совершенно ошалевшего человека, отворившего дверь денника, да так и застывшего на месте.

Только это был не Джермин Грейвс, а Найгель, старый главный конюх Бобби. Он включил свет в пустом деннике и повернулся к нам. Свет подчеркивал глубокие вертикальные морщины на его обветренном лице.

– Сути исчез! – встревоженно воскликнул он. – Сути исчез, хозяин! Я его сам кормил в полшестого и запер все двери, прежде чем уйти домой!

Голос у него был виноватый. Бобби тоже это заметил и успокоил его.

– С Сути все в порядке, – сказал он. – Я его переставил.

На самом деле коня Грейвса звали вовсе не Сути, но конюхи нередко дают лошадям с чересчур замысловатыми кличками имена попроще. Как прикажете разговаривать с лошадью по имени Неттльтон-Мейнор, к примеру? «Ну-ка, прими, Неттльтон-Мейнор!» «Неттльтон-Мейнор, старый разбойник, морковку хочешь?»

– Я просто зашел взглянуть на лошадей, – объяснил Найгель. – Шел домой из паба...

Бобби кивнул. Найгель, как и большинство главных конюхов, принимал состояние лошадей близко к сердцу. Главный конюх заботится о лошадях не за страх, а за совесть, будто о родных детях, и, словно заботливая матушка, на ночь всегда проверяет, как деткам спится.

– Ты слышал колокольчик? – спросила Холли.

– Еще бы! – Найгель наморщил лоб. – Около дома. – Он помолчал. – Что это было?

– Проверяем новую систему сигнализации, – сказал Бобби. – Чтобы знать, если кто-то зайдет во двор.

– Да ну? – заинтересовался старый Найгель. – А что, неплохо работает!

Глава 4

Сигнализация действительно работала неплохо, но никто больше не явился, чтобы еще раз испытать ее. Я спокойно проспал всю ночь, не раздеваясь, готовый к битве – но битва не состоялась. А утром Бобби вышел и отвязал веревку, прежде чем конюхи пришли на работу.

Они с Холли составили список получивших «Знамя», и после кофе, когда стало совсем светло, я взял машину Холли и отправился беседовать с ними.

Но сперва, поскольку день был воскресный и было еще довольно рано, я объехал все почтовые отделения и газетные киоски в городе и в окрестностях и спросил продавцов, не случилось ли им два дня назад, в пятницу, продавать кому-нибудь большую пачку номеров «Знамени».

Все ответили, что не припомнят такого. В пятницу было продано не больше номеров «Знамени», чем в четверг. Ни в одном из почтовых отделений или киосков не заказывали лишних номеров, и везде даже остались непроданные номера. Разносчики развезли столько же газет, сколько обычно.

Значит, самый простой и естественный путь закончился тупиком.

После этого я отправился к торговцу кормами. Это был не тот, который снабжал кормами моего деда. На самом деле поначалу меня удивило, что все имена в списке Бобби были мне незнакомы. Хотя потом, поразмыслив, я понял, что ничего удивительного здесь нет. Бобби, разумеется, имел дело с теми же поставщиками, что и его дед; а заклятые враги, похоже, не желали иметь ни общего кузнеца, ни общего ветеринара – короче, ничего общего. Каждый боялся, что другой при любой возможности станет шпионить за ним. И оба были правы.

Ни один торговец кормами в Ньюмаркете, где содержится несколько тысяч лошадей, не удивится, что к нему звонят в дверь, несмотря на выходной день. Торговец, который помахал мне рукой из окна офиса, примыкавшего к дому, был молод и одет с иголочки. С безупречной речью, какой учат только в самых дорогих колледжах, он решительно заявил мне, что задерживать выплаты недопустимо, что у него самого туго с деньгами и что отпускать корма Аллардеку в кредит он больше не станет.

Я передал ему чек Джермина Грейвса, на котором Бобби, как положено, поставил передаточную подпись.

– А-а! – Лицо торговца просветлело. – Что же вы сразу не сказали?

– Бобби надеялся, что вы все-таки подождете, как обычно.

– Извините, не могу. И впредь я буду требовать, чтобы мистер Аллардек платил наличными.

– Сумма в чеке значительно больше того, что он вам должен, – заметил я.

– Ах, ну да. В таком случае я буду поставлять Бобби корма, пока эти деньги не кончатся.

– Благодарю вас, – сказал я и спросил, не видел ли он того, кто принес ему номер «Знамени».

– Нет. А в чем дело?

Я объяснил, в чем дело.

– Это была широко задуманная враждебная акция. Естественно, люди хотят знать, кто подложил им такую свинью.

– А-а.

Он призадумался. Я ждал.

– Газету доставили в пятницу, довольно рано утром, – сказал он наконец. – И ее принесли сюда, в офис, хотя обычно газеты мне приносят в дом. Я получил ее вместе с деловыми письмами. Где-то в половине девятого.

– И она была раскрыта на странице, где печатаются всякие сплетни, и та заметка была обведена красным карандашом?

– Да.

– А вы не задумывались над тем, кто это мог сделать?

– Да нет... – Он нахмурился. – Я решил, что кто-то хочет оказать мне услугу.

– Хм, – сказал я. – А вы вообще выписываете «Знамя»?

– Нет. Я получаю «Таймс» и «Спортивную жизнь».

Я поблагодарил его и ушел. Отнес выигранные Холли деньги водопроводчику. Тот очень обрадовался и ответил примерно то же, что и торговец кормами. Он нашел «Знамя» на коврике у двери около семи утра. Кто его принес, он не видел. Мистер Аллардек задолжал ему за починку водопровода еще с лета, и, надо признаться, он позвонил ему и пригрозил обратиться в суд графства, если тот немедленно не заплатит.

Выписывает ли он «Знамя»?

Выписывает. В пятницу ему принесли два номера.

– Вместе? – спросил я. – В смысле они оба лежали вместе на коврике у двери?

– Да.

– Один на другом?

Он пожал плечами, подумал и сказал:

– Насколько я помню, тот, где была статья, обведенная красным, лежал снизу. Странно, я сперва подумал, что это почтальон принес два номера. А потом увидел выделенную заметку и решил, что кто-то из соседей хочет меня предупредить.

Я сказал ему, что из-за этой истории Бобби оказался в очень тяжелом положении.

– Да уж, наверно! – Он фыркнул. – Платить-то никто не любит. Вот когда у них трубы полопаются, деньги сразу у всех находятся. Как подморозит хорошенько...

Я заехал еще к трем кредиторам, указанным в списке. Поскольку им еще не заплатили, они разговаривали со мной более резко и не горели желанием помочь, но общая тенденция была все та же. «Знамя» доставили до того, как появились почтальоны с утренними газетами, и никто не видел, кто его принес.

Я снова отправился на почту и спросил, во сколько обычно почтальоны начинают разносить газеты.

– Газеты привозят около шести. Мы раскладываем их по пачкам, и почтальоны начинают их развозить около половины седьмого.

– Спасибо, – сказал я.

Мне кивнули.

– Не за что, заходите еще.

Как видно, операция была проведена чисто и с полным соблюдением конспирации. Это встревожило меня еще больше. И я отправился к своему деду, в тот дом, где я вырос: большой дом, окрашенный под кирпич, с карнизами, похожими на забавно вздернутые брови, поверху натянута колючая проволока.

Когда я въехал во двор, там никого не было. Все лошади оставались в денниках, и обе половинки дверей были закрыты, потому что день стоял холодный. Это был последний день сезона гладких скачек, и потому никто не выезжал на Поле тренировать лошадей. «Зимовка», как всегда называл это мой дед, уже началась.

Я нашел его в офисе. Он сосредоточенно печатал письма. Видимо, очередной секретарь снова ушел от него, не выдержав вечных придиорок.

– Кит! – воскликнул он, на секунду оторвавшись от своего занятия. – А я и не знал, что ты зайдешь! Садись, выпей чего-нибудь. – Он махнул худой рукой на стул. – Я сейчас. Проклятый секретарь сбежал. Никакого уважения к старшим, совершенно никакого!

Я сел и принялся смотреть, как он колотит по клавишам в два раза сильнее, чем это необходимо. Я вновь ощутил восхищение перед ним и ту несколько преувеличенную любовь, которую всегда к нему испытывал.

Больше всего на свете мой дед любил лошадей. Бабушку он тоже любил. В ту зиму, когда она умерла, он на некоторое время замолчал, и в доме воцарилась тишина, такая непривычная после того, как они с бабушкой столько лет орали друг на друга. Правда, через несколько месяцев дед начал орать на нас с Холли, а когда мы уехали – на секретарей. При этом он был вовсе не злой. Он просто стремился к идеалу и не хотел мириться с тем, что мир несовершенен. Мелкие неурядицы сердили его, поэтому он большую часть времени пребывал в раздражении.

Дед кончил печатать и встал. Мы с ним были одного роста. Дед был сед как лунь, но держался прямо и подтянуто. На нем была рубашка, галстук и отлично скроенный твидовый пиджак. Мой дед не терпел небрежности ни в привычках, ни в одежде, ни в манерах. Конечно, он был одержимым; но, вероятно, именно это и приносило ему успех в течение почти шестидесяти лет.

– У меня сегодня на ленч сыр, – сказал он. – Ты ночевать останешься?

– Я... это... я у Холли ночую.

Дед поджал губы:

– Твой дом здесь!

– Мне хотелось бы, чтобы ты с ней помирился.

– Я с ней разговариваю, – ответил дед. – Хотя это слишком большая честь для таких заносчивых крыс, как Мейнард и его сынок. Она иногда заходит ко мне. Время от времени приносит мне тушеное мясо и всякие вещи. Но его я на порог не пушу и сам туда не пойду, так что не проси.

Он похлопал меня по руке – это был знак высшего одобрения.

– Мы с тобой и вдвоем проживем, верно? Этого довольно!

Он повел меня в столовую. На столе стояли два подноса, накрытые салфетками. Он снял одну из салфеток. На подносе был тщательно сервированный ленч на одного: сыры, крекеры в прозрачной пленке, кубики масла, рахат-лукум, банан и яблоко с серебряным фруктовым ножиком. На втором подносе был обед.

– Новая экономка, – коротко пояснил дед. – Очень хорошая.

«Дай ей бог здоровья», – подумал я. Снял пленку с крекеров, сходил за вторым ножом и тарелкой, мы уселись друг напротив друга и принялись кушать. Мы оба ели очень мало, дед от старости, я – по необходимости.

Я рассказал ему про статью в «Знамени» и тотчас с облегчением понял, что дед здесь ни при чем.

– Мерзость! – сказал он. – Хотя, надо тебе сказать, мой покойный отец вполне мог бы устроить такую штуку, если бы додумался. – Дед хихикнул: – Я когда-то и сам мог бы устроить такое Аллардеку.

Для деда Аллардеком был дед Бобби, отец Мейнарда, недавно усопший. Сколько я себя помнил, дед никогда не называл его иначе, чем просто Аллардеком.

– Но только не Холли, – сказал дед. – Холли я бы такого не сделал. Это было бы некрасиво.

– Конечно.

Дед взглянул на меня:

– А она что, решила, что это мог сделать я?

– Она сказала, что этого не может быть и что ей очень не хотелось бы, чтобы это оказался ты.

Дед удовлетворенно кивнул. Он не обиделся.

– Верно. Малышка Холли! И что на нее нашло, что она вдруг выскочила замуж за этого крысеныша?

– Он вовсе даже не плох, – сказал я.

– Он такой же, как Аллардек. Точно такой же. Весь напыжился, когда его лошадь обошла мою две недели тому назад в Кемптоне.

– Но ты не подал апелляции, насколько я помню, – заметил я.

– А не из-за чего было. Они не сталкивались, не мешали друг другу, не пересекали дорогу... Его лошадь обошла мою на целых три корпуса! – сказал он с возмущением. – А ты что, был там? Что-то я тебя не видел.

– Читал в газете.

– А-а.

Дед выбрал банан. Я съел яблоко.

– Я вчера смотрел тебя по телевизору на скачке на приз «Глашатая». Противная скотина. Злобная. Это сразу видно.

– Угу.

– Вот и люди бывают такие же, – сказал дед. – Способные на все и готовые сделать все, что угодно.

– Но ведь он же выиграл! – возразил я.

– Еле-еле. И только благодаря тебе. И не спорь. Я люблю смотреть, как ты едешь. Таких жокеев, как ты, среди Аллардеков не было, нет и не будет.

– Ты и Аллардеку это говорил?

– Говорил, конечно. Ух и злился же он! – Дед вздохнул. – С тех пор как он помер, все как-то не так. Я думал, мне легче дышать будет, но стало как-то скучновато. Я любил смотреть, как он кривится, когда мои лошади приходят первыми. А однажды мне удалось добиться, чтобы его лошадь сняли с соревнований на Сент-Леджере: мои шпионы мне доложили, что у нее стригущий лишай. Я тебе не рассказывал? Он готов был просто убить меня в тот день. И убил бы, если бы мог. Зато он переманил у меня одну владелицу – набрехал ей, будто я никогда не выставляю ее лошадей на те скачки, где они могли бы выиграть. Но они и у него не выигрывали. И я никогда не давал ему забыть об этом!

Он очистил банан, порезал его на ровные кружочки и теперь задумчиво смотрел на них.

– Мейнард опять же, – сказал он. – Мейнард меня тоже на дух не переносит, но Аллардеку он и в подметки не годится. Он тоже изо всех сил рвется к власти и ни перед чем не остановится, но он еще и подлюга, каким его папаша никогда не был, при всех своих недостатках.

– В смысле – подлюга?

– Молодец против овец, а против молодца и сам овца. Он лизал пятки всюду, куда пробывался, и наступал на тех, кто оказался ниже его. Он еще мальчишкой был мерзким. Подлизой. Однажды на Поле он имел наглость подойти ко мне и заявить, что, когда он вырастет, он станет лордом и тогда мне придется кланяться ему и всем остальным тоже.

– В самом деле?

– Он еще маленький был. Лет восьми, не то девяти. Я ему сказал, что он гаденыш, и надрал ему уши. Он, конечно, пожаловался папаше, и Аллардек прислал мне возмущенное письмо. Ох и давненько же это было!

Он без особого удовольствия съел кусочек банана.

– Но вот это желание, чтобы люди ему кланялись, – это в нем осталось, я думаю. А иначе зачем ему весь этот бизнес?

– Чтобы выигрывать, – сказал я. – Ведь и мы с тобой тоже стремимся выигрывать, если можем.

– Да, только при этом мы не топчем других. Мы не хотим, чтобы нам кланялись. – Он ухмыльнулся. – Хотя я был бы не прочь, чтобы мне кланялись Аллардеки!

Мы сварили себе кофе. За кофе я позвонил дедушкиным поставщикам, его ветеринару, кузнецу и водопроводчику. Мой вопрос всех чрезвычайно удивил. Нет, никто из них номера «Знамени» с обведенной красным статьей не получал.

– Да, видно, у крысеныша завелся предатель в собственном доме, – сказал дед без особого сожаления. – А кто у него секретарем?

– У него нет секретаря. Он сам ведет дела.

– Хо. Вот у Аллардека секретарь был.

– Ты же мне раз сто говорил, что Аллардек завел секретаря только потому, что секретарь был у тебя. Ты в его присутствии похвалился, что у тебя так много лошадей, что приходится держать секретаря, и он тоже нанял секретаря.

– Ну да, он никогда не мог перенести, чтобы у меня было что-то, чего у него нет.

– И, насколько я помню, – сказал я, – ты был просто вне себя, когда он приобрел тренировочные стартовые кабинки, и не успокоился, пока не завел их и у себя тоже.

– Ну что ж, никто не совершенен! – Дед как ни в чем не бывало пожал плечами. – Но если у крысеныша нет секретаря, кто еще может знать его жизнь как свои пять пальцев?

– Вот в этом-то весь вопрос, – сказал я.

– Мейнард, – уверенно сказал дед. – Больше некому. Мейнард ведь жил с отцом еще долго после того, как женился. Он женился в восемнадцать... глупо, конечно, я это всегда говорил, но у него Бобби был на подходе. А в следующие пятнадцать лет он разъезжал туда-сюда; он считался помощником Аллардека, но то и дело мотался в Лондон заключать все эти сделки. Какао, представляешь? Ты когда-нибудь слышал, чтобы кто-то сделал состояние на какао? А Мейнард сделал! Аллардек долго пыжился, повсюду рассказывал, какой у него сын толковый. А моего сына уже не было в живых. Я ему однажды напомнил об этом, довольно резко. И с тех пор он заткнулся.

– Мейнард не станет губить карьеру Бобби, – сказал я.

– А почему нет? С тех пор как Бобби женился на Холли, Мейнард с ним даже не разговаривает. Холли мне говорила, что, если Мейнард хочет что-то передать сыну, он приказывает своему ручному адвокату ему написать. И пока что все письма были насчет того, чтобы Бобби вернул Мейнарду деньги, которые тот одолжил ему после окончания школы, чтобы купить машину. Холли говорит, Бобби был так благодарен отцу, что написал ему письмо, в котором говорил «спасибо» и обещал когда-нибудь эти деньги вернуть. Вот теперь Мейнард их с него и тянет.

– Просто поверить не могу!

– Это чистая правда.

– Вот ублюдок!

– Ну вот уж нет! – сухо возразил дед. – Мейнард кто угодно, только не ублюдок. Он вылитый Аллардек. Та же самая поганая ухмылочка. Такой же надменный. Жидкие волосы, подбородка все равно что нет. И крысеныш этот тоже весь в них.

Крысеныш, то есть Бобби, любому постороннему показался бы самым обычным человеком с нормальным подбородком и довольно приятной улыбкой, но я промолчал. В доме Филдингов никогда не будут относиться беспристрастно к грехам и недостаткам Аллардеков.

Я провел у деда весь день и вечером вместе с ним обошел конюшни. Было всего половина пятого, но зимние дни коротки – на улице уже темнело, и в денниках горели желтые лампочки.

Конюхи, как всегда, суетились, выгребая навоз, разнося сено и воду, прибирая в денниках. Старый главный конюх (на которого, кстати, дед никогда не орал) обходил конюшни

вместе с нами, обмениваясь с дедом короткими замечаниями по поводу каждой из пятидесяти или около того лошадей. Они беседовали тихо, серьезно и сосредоточенно. В их голосах слышалось некое сожаление. Год со всеми его надеждами и триумфами подошел к концу, возбуждение улеглось...

Я очень боялся, что новый год для деда уже не наступит, что он заболеет или умрет. Он не хотел удаляться на покой, пока еще был в состоянии трудиться – ведь вся его жизнь была в работе, – но предполагалось, что в ближайшее время я поселюсь в этом доме и лицензия деда перейдет ко мне. Дед ожидал этого, владельцы были к этому готовы, мир скачек в целом полагал, что это дело решенное. Но я знал, что сам я к этому не готов. Я хотел еще хотя бы четыре-пять лет посвятить своему любимому занятию. До тех пор, пока у меня есть силы и есть владельцы, которые готовы мне платить, я хотел бы оставаться жокеем. Жокеи-стиплеры уходят раньше, чем те, кто участвует в гладких скачках, потому что падать с лошади на скорости тридцать миль в час тридцать раз за год – это забава для молодых, но я никогда не собирался бросать это дело раньше, чем в тридцать пять.

К тому времени, как мне исполнится тридцать пять, деду будет восемьдесят семь, а это даже для него многовато... Я передернул плечами – ветер был холодный, меня пробрала дрожь, – и прогнал эти мысли. Я готов был встретить будущее лицом к лицу, но ведь пока оно еще не наступило.

К большому неудовольствию деда, я расстался с ним у конюшен и вернулся в дом его врага, где застал конец того же вечернего ритуала обхода конюшен. Лошади Грейвса все еще стояли в других денниках, а Бобби заметно повеселел: Найгель сказал ему, что, когда Грейвс по воскресеньям заходил проведать лошадей, он по меньшей мере дважды принимал чужих за своих.

Я смотрел, как Бобби возится с лошадьми. Он ощупывал ноги, чтобы проверить, не воспалились ли связки, смотрел, как заживают мелкие царапины, дружески хлопал их по крупу. Бобби, несомненно, был прирожденным лошадиником, и чувствовалось, что лошадям с ним хорошо и спокойно.

Временами Бобби казался мне слишком нерешительным, и умом он не блистал, но на самом деле он был вполне приятным парнем, и я понимал, почему Холли в него влюбилась. К тому же и сам он любил ее достаточно, чтобы забыть о старинной вражде и рассориться со своим могущественным отцом. А на это нужно было немало сил и мужества.

Он закончил ощупывать ногу лошади, выпрямился, увидел, что я смотрю на него, и инстинктивно вытянулся и враждебно уставился на меня.

– Филдинг! – сказал он так, словно это слово само по себе было обвинением и проклятием. Война продолжалась.

– Аллардек! – ответил я тем же тоном и слегка улыбнулся. – На самом деле я сейчас думаю, что ты мне нравишься.

– А-а! – Он расслабился так же быстро, как напрягся, и немного смутился. – Я не знал... мне вдруг показалось... Я почувствовал...

– Ненависть, – закончил я. – Я знаю.

– Твоих глаз было не видно. У тебя был такой вид, словно ты в капюшоне...

Это было достаточно убедительное объяснение, и его можно было принять. Я подумал о том, как же быстро темные иррациональные предрассудки всплывают на поверхность. Ведь и со мной временами бывает такое, хотя я усердно стараюсь это подавлять.

Он молча закончил осматривать лошадей, и мы пошли к дому.

– Извини, – сказал он несколько неловко. – Там... – он махнул рукой в сторону конюшен. – Я не хотел...

– Скажи, – с любопытством спросил я, – а о Холли ты когда-нибудь так думаешь? Как об одной из Филдингов? Она тоже кажется угрожающей, когда ее глаз не видно?

– Нет, конечно! Она совсем другая.

– В чем?

Он посмотрел мне в лицо и решил, что не будет ничего страшного, если он объяснит.

– Ты сильный, – сказал он. – Не только телом, но и духом тоже. Когда с тобой разговариваешь, это сразу заметно. Ты... я не знаю, как объяснить... Ты заметный. Тебя сразу видно. В весовой, где угодно. Ты не стараешься, чтобы тебя заметили, но люди всегда знают, к примеру, участвовал ли ты в той или иной скачке. Наверно, это все чепуха... Это то, благодаря чему ты стал одним из лучших жокеев. И это свойство Филдингов. А Холли не такая. Она тихая, спокойная, и в ней нет ни грамма этой агрессивности и честолюбия. Она совершенно не стремится быть на виду и кого-то побеждать. Она не Филдинг в душе.

– Гх-мм.

Я ничего не сказал, только откашлялся. Бобби снова покосился на меня.

– Да нет, все в порядке, – сказал я. – Должно быть, дело действительно в моей ответственности, и я готов допустить, что Холли ею не запятнана. Но честолюбие в ней есть.

– Нет! – Бобби решительно покачал головой.

– Она хочет, чтобы ты добился успеха. Чтобы вы оба добились успеха. Чтобы доказать, что вы были правы, когда поженились.

Он уже взялся за ручку двери, ведущей со двора в кухню, но остановился.

– Ты был против, как и все остальные.

– Да. По многим причинам. Но теперь я думаю иначе.

– Да, – честно признал Бобби. – И ты был единственным, кто пришел на свадьбу.

– Ну не могла же она ехать в церковь одна-одинешенька, верно? Надо же было кому-то ее проводить!

Он улыбнулся так же естественно, как перед тем проявил свою ненависть.

– Филдинг отдает руку своей сестры Аллардеку! – сказал он. – Я думал, уж не настал ли конец света.

Он отворил дверь, и мы вошли в дом. Холли, объединившая нас, растопила камин в гостиной и добросовестно пыталась выглядеть веселой.

Мы уселись в кресла, и я рассказал им о своих утренних поисках и заверил, что дед здесь ни при чем.

– Номера «Знамени» подбросили самое позднее часов в шесть, – сказал я, – и куплены они не в Ньюмаркете. Не знаю, в какое время поступает почта в Кембридж, но, думаю, ненамного раньше пяти утра. Так что вряд ли кто-то мог успеть купить в Кембридже штук двадцать газет, раскрыть их на нужной странице, обвести статью и разнести газеты по всему Ньюмаркету до того, как на улицах появятся почтальоны. Тут все-таки двадцать миль.

– Так ты думаешь, – спросила Холли, – что кто-то мог привезти их прямо из Лондона?

– Думаю, что да, – кивнул я. – Хотя, конечно, не значит, что это устроил кто-то не из здешних. Так что мы ни на шаг не продвинулись.

– Это все так бессмысленно! – сказала Холли.

– Похоже, никто из окна в шесть утра не выглядывал, – продолжал я. – Хотя в нашем городе вполне мог бы. Но никто из тех, кого я расспрашивал, не видел, чтобы кто-то подходил в это время к его дому с газетой. Хотя, конечно, в шесть утра еще совсем темно. Мне говорили, что зимой и почтальонов-то почти не видно.

Телефон, стоявший на столике рядом с креслом Бобби, зазвонил. Бобби опасливо поднял трубку.

– Да... А, привет, Себ! – Голос Бобби повеселел, но не очень.

– Это наш приятель, – пояснила Холли. – У нас его лошадь стоит.

– Видел, да? – Бобби скривился. – Тебе тоже прислали... – Некоторое время он слушал то, что ему говорили, потом сказал: – Нет, конечно, я не знаю, кто это сделал. Кто-то нас

очень сильно не любит... Нет, конечно, это неправда! Я не собираюсь бросать дело. Ты не беспокойся, с кобылой твоей все в порядке. Я как раз сейчас щупал ей связку. Она холодная и крепкая. Так что все нормально. Что? Отец? Он мне и пенни не даст. Он сам сказал. Да, бессердечная свинья, ты совершенно прав... Нет-нет, не стоит и надеяться. Наоборот, он пытается выжать из меня деньги, которые одолжил мне на покупку машины лет четырнадцать назад. Ну да... Наверно, именно благодаря этому он и разбогател... Что? Нет, не состояние – это была подержанная развалюха, но у меня эта машина была первая. Наверно, в конце концов я ему заплачу – просто затем, чтобы отвязаться от его адвокатов. Ну да, я же говорю, все нормально. Не обращай ты внимания на это «Знамя»!

Он положил трубку. Вид у него был далеко не такой уверенный, как тон, которым он разговаривал по телефону.

– Еще один предусмотрительный владелец. У-у, крысы! Половина из них норовит сбежать, не дожидаясь, пока корабль пойдет ко дну. И половина еще не оплатила счета за прошлый месяц.

– А Себ оплатил? – спросила Холли.

Бобби покачал головой.

– И хватает же наглости!..

– Он говорит, что получил заметку только вчера. Не всю газету, а только вырезку со статьей. Она пришла по почте. В обычном буром конверте. Адрес напечатан на машинке. Конверт пришел из Лондона, как и все прочие.

– А что, всем владельцам прислали вырезки? – спросил я.

– Похоже, что да. Большинство из них звонили по телефону. Остальным я звонить не стал, так что не знаю.

Мы некоторое время посидели у камина. Я одолжил телефон, чтобы позвонить домой и получить сообщения с автоответчика, и перезвонил двум тренерам, которые предлагали мне участвовать в скачках на следующей неделе. Потом я позвонил двум жокеям, жившим в Ньюмаркете, и попросил подвезти меня завтра до Пламптона в Суссексе. Они сказали, что уже договорились ехать вдвоем, и обещали подбросить.

– Ты сюда вернешься? – спросила Холли, когда я обо всем договорился.

Я посмотрел на ее обеспокоенное лицо. Бобби, похоже, тоже не имел ничего против. Я думал, что он вообще не хотел меня видеть с самого начала, но, похоже, ошибался.

– Останься, – коротко сказал он, и в его голосе звучала просьба, а не вражда.

– Да много ли с меня толку?

– Нам спокойнее, когда ты здесь, – ответила Холли.

Мне не особенно хотелось оставаться здесь из практических соображений. Во вторник мне предстояли скачки в Девоне. Я предпочел поселиться в Ламборне, в частности, потому, что оттуда можно было доехать до любого ипподрома Англии и в тот же день вернуться домой. Ламборн был расположен в самом центре.

Я виновато сказал:

– Мне все равно придется попросить кого-нибудь подвезти меня до Ламборна, потому что мне понадобится моя машина, чтобы во вторник доехать до Девона. Вот когда я во вторник вернусь в Ламборн, мы посмотрим, как будут обстоять дела, и тогда...

– Ладно, – сказала Холли упавшим голосом, даже не попытавшись меня уговорить.

Я посмотрел на ее унылое лицо. В печали она казалась красивее, чем в радости. Такое с ней часто бывало. Внезапно мне в голову пришла одна мысль, и я, не раздумывая, напрямик спросил:

– Холли, ты что, беременна?

Глава 5

Бобби был ошарашен.

Холли пронзила меня взглядом своих светло-карих глаз, в которых читались тревога и возбуждение.

– С чего ты взял? – спросил Бобби.

– Не знаю.

– У нее только небольшая задержка. Мы еще не делали никаких анализов, – сказал Бобби. – Ты ему, наверно, сказала! – с упреком обратился он к Холли.

– Нет, я ему не говорила. – Холли покачала головой. – Я просто как раз подумала, как я была счастлива, когда проснулась в пятницу и почувствовала, что меня тошнит. И подумала – какая ирония судьбы! Мы столько времени хотели зачать ребенка, и вот, когда нам, наверно, наконец удалось, это случилось в такое время, когда нам только ребенка и не хватало.

Бобби нахмурился.

– Ты ему, наверно, сказала! – повторил он. Голос у него был раздраженный. Что он, ревнует, что ли?

– Да нет, я ему не говорила... – неуверенно сказала Холли.

– Ну да, вчера, когда вы ехали сюда! – настойчиво сказал Бобби.

– Послушай, – вмешался я. – Забудь о том, что я это сказал. Какое это имеет значение?

Бобби взглянул на меня с негодованием и, уже мягче, на Холли. Похоже, ему внезапно пришла в голову новая мысль.

– Это вроде того, о чем ты мне когда-то говорила? – недоверчиво спросил он. – Что вы с Китом читали мысли друг друга, когда были детьми?

Она неохотно кивнула.

– Но этого не было уже много лет.

– Да, теперь этого не бывает, – согласился я. – В смысле то, что было сейчас, – это случайность. Возврат к прошлому, так сказать. Наверно, больше этого не повторится.

«Ну а если и повторится, – подумал я, – буду думать, что говорю. Случайные мысли следует просеивать».

Я прекрасно понимал ревность Бобби, потому что сам почувствовал нечто подобное, когда Холли впервые сообщила мне, что влюбилась. Когда Холли призналась мне, в кого именно она влюбилась, ревность быстро сменилась более объяснимой тревогой, но я хорошо помню острое нежелание делить ее с кем бы то ни было. Как это так: мое место ближайшего друга займет какой-то чужак!

Честно говоря, эта внезапная ревность меня самого немного шокировала. Я никогда раньше не задумывался о природе чувств, которые я испытываю к своей сестре, но тут принялся копаться в себе и сделал успокоившее меня, хотя и несколько печальное открытие, что Холли может сколько угодно спать с Бобби, меня это не волнует; я боялся утратить духовную близость с ней.

У меня, разумеется, были женщины и до того, как Холли вышла замуж, и после; но все это были просто недолговечные романчики, куда менее серьезные, чем то, что было у Холли и Бобби. «Ничего, – думал я, – у меня еще все впереди; может быть, когда-нибудь...» и прочие банальности в том же духе.

Бобби поверил – или, по крайней мере, сделал вид, что поверил, – что обмен мыслями между нами с Холли не повторится, но нам с нею стоило переглянуться, как мы сразу поняли, что это не так. Если мы захотим, так сказать, настроиться друг на друга, старая привычка вернется.

Весь вечер мы старались не возвращаться к главной теме: кто и зачем это сделал, и в конце концов устало легли спать, так и не найдя толкового ответа. Я снова лег спать одетым, на случай, если появится Грейвс. Впрочем, я был уверен, что даже если он и хотел вернуться, то уже передумал.

Я ошибался.

Звон колокольчика разбудил меня в половине четвертого ночи, и не успел он перестать звонить, как я уже натянул ботинки, выскочил из дома и побежал по дорожке, следуя плану, который мы с Бобби разработали накануне вечером.

Я выбежал в ворота – они были открыты, – и в самом деле, на придорожном лугу, где время от времени останавливался цыганский табор, стоял грузовик. На этот раз это была обычная машина с прицепом на двух лошадей. Пандус прицепа был опущен, но лошадей там пока не было.

Я подбежал прямо к кабине и рывком распахнул дверцу водителя, собираясь застать его врасплох, но внутри никого не было. И ключи торчали в зажигании – просто невероятно!

Я поднял пандус и запер двери прицепа, потом сел в машину, завел мотор и отогнал ее на пару сотен ярдов, на боковую улицу. Свернул туда, проехал немного, остановил машину, оставил ключи в зажигании, как было, и бегом побежал обратно к Бобби.

Сцена почти полностью повторяла позавчерашнюю. По крайней мере, во дворе точно так же горели огни и слышались крик и ругань. Бобби и Джермин Грейвс стояли у пустого денника, к которому была подведена сигнализация, и, похоже, готовы были наброситься друг на друга с кулаками. Неподалеку с несчастным видом переминался с ноги на ногу паренек лет шестнадцати, державший в руке большую сумку.

– Верните мне мое имущество! – орал Грейвс. – Это воровство!

– Это не воровство, – сказал я прямо ему в ухо. – Воровством называется преднамеренное бессрочное отчуждение собственности.

– Чего?! – Он развернулся и уставился на меня. – Опять ты!

– Если уж говорить о законности, – продолжал я, – закон дает право кредитору удерживать собственность должника, пока долг не будет оплачен.

– Я вас разорю! – мстительно выпалил он. – Обоих разорю!

– Мистер Грейвс, – сказал я, – будьте благоразумны! Вы не правы.

– Да срать я хотел!.. Я не позволю, чтобы какой-то презренный жокеишка и разорившийся тренеришка одержали надо мной верх! Поняли?

– Дядя... – нервно начал топтавшийся рядом мальчик.

– Заткнись ты! – оборвал его Грейвс.

Парень выронил сумку и бросился поднимать ее.

– Поезжайте, мистер Грейвс, – сказал я. – Успокойтесь. Подумайте хорошенько. А когда ваш чек будет оплачен, приезжайте и заберите лошадей, и дело с концом.

– Не допущу!..

– Ну, дело ваше, – сказал я, пожав плечами.

Мы с Бобби наблюдали, как Грейвс мучительно ищет способ выпутаться из этой истории, не теряя лица. Но вряд ли это было возможно. Он бросил нам еще несколько громогласных угроз, потом раздраженно сказал своему племяннику: «Пошли, чего встал!», и потопал к дороге.

– Что ты сделал с его фургоном? – спросил Бобби.

– Там была машина с прицепом, и ключи в зажигании. Я отогнал ее за угол. Интересно, найдут или нет?

– Вряд ли стоило возиться, – сказал Бобби. – Грейвс с самого начала сунулся в денник с сигнализацией.

Мы боялись, что он сперва полезет в другой денник, обнаружит, что он пуст, подумает, что перепутал, и уведет одну из лошадей, стоящих в соседних денниках. Мы боялись, что он явится с большой шайкой. Как оказалось, опасения наши были напрасны. Но все равно, лишняя предосторожность никогда не помешает.

Мы заперли пустой денник. Бобби споткнулся обо что-то, валяющееся на земле. Он наклонился, поднял и показал мне толстый кусок войлока с пришитыми «липучками». «Глушитель» для копыт. Наверняка выпал из сумки.

– Резиновыми башмаками он не запаса, – мрачно заметил Бобби. – Решил обойтись самодельными.

Он выключил свет во дворе, и мы некоторое время стояли у двери кухни и ждали. Мы решили, что в ночной тишине шум мотора будет слышен издалека. Но вместо этого мы вскоре услышали во дворе нерешительные шаги.

Бобби снова включил свет. Посреди двора, жмурясь, стоял тот самый мальчишка, очень смущенный.

– Кто-то украл дядину машину, – объяснил он.

– Как тебя зовут?

– Джаспер.

– Грейвс?

Он кивнул и сглотнул.

– Дядя хочет, чтобы я позвонил в полицию и вызвал такси.

– На твоём месте, – сказал я, – я бы вышел из ворот, повернул налево, прошел вдоль улицы, свернул в первый переулок налево, и там будет телефон-автомат.

– О-о, – сказал мальчишка. – Ладно...

Он посмотрел на нас почти умоляюще.

– Дядя говорил, это все равно как игра... – сказал он. – А вышло вон как...

Мы не спешили его утешать. Через некоторое время он повернулся и побрел обратно. Его шаги постепенно затихали в отдалении.

– Ну и что теперь? – спросил Бобби.

– Наверно, теперь стоит привязать колокольчик так, чтобы сигнализация срабатывала, если кто-то подойдет к воротам.

– Да, я тоже так думаю. А утром первым делом отсоединю его.

Мы принялись натягивать начерченную углем веревку через дорожку на уровне колена, когда услышали, как вдалеке завелась машина Грейвса.

– Нашел! – сказал Бобби и улыбнулся. – Кстати, телефона-автомата в том переулке нет. Ты в курсе?

Мы закончили устанавливать свою примитивную сигнализацию и, зевая, вернулись в дом, чтобы поспать еще пару часов. Когда я лег в постель, подумал, что вот так и начинается семейная вражда, которая потом тянется веками, как между Аллардеками и Филдингами, а на уровне наций может обернуться политическими и религиозными преследованиями, и постепенно превращается в привычку, предрассудок, разрушительную ненависть, вошедшую в привычку. «Что ж, – насмешливо подумал я, – начнем с себя. Надо заставить свое подсознание полюбить Аллардеков. Ведь теперь моя сестра – одна из них, помоги ей бог».

А утром людская злоба снова подняла свою уродливую голову.

Телефон зазвонил в половине девятого. Трубку снял я, потому что Бобби был на Поле с лошадьми, а Холли опять тошнило. Это был торговец кормами, который со своим безупречным итонским произношением сообщил мне, что он снова получил номер «Ежедневного знамени».

– Только что нашел ее у двери, – сказал он. – Газета сегодняшняя, за понедельник. И в ней еще одна заметка, обведенная красным карандашом.

– А... а что в ней говорится? – спросил я с упавшим сердцем.

– Я думаю... ну... если она вам нужна, приезжайте и заберите ее. Она длиннее, чем в прошлый раз. И тут фотография Бобби.

– Сейчас приеду.

Я поехал к нему в машине Холли. Торговец, как и в прошлый раз, был у себя в офисе. Он молча вручил мне газету, и я с растущей тревогой увидел фотографию, на которой Бобби выглядел ухмыляющимся идиотом, и заметку в «Частной жизни».

«На Робертсона (Бобби) Аллардека (32 года) продолжают сыпаться денежные неурядицы. Он все еще содержит нескольких скаковых лошадей в некогда полных конюшнях в Ньюмаркете, принадлежавших его деду. Местные торговцы угрожают ему подать в суд за неоплату счетов. Бобби пытается заверить владельцев оставшихся лошадей, что беспокоиться не о чем, хотя торговец кормами прекратил поставки. Чем-то все это кончится?»

«Денежный мешок» Мейнард Аллардек (50 лет) на помощь не явится. Он зол на Бобби за неудачную женитьбу.

Мейнард, как известно, добивается рыцарского титула и потому все деньги тратит на благотворительность.

А каково мнение несчастного Бобби? Это непечатно.

Ждите новых сообщений на этой полосе».

– Ну если Бобби не подаст в суд за клевету, – заметил я, – это сделает его отец.

– Клевета тем хуже, чем больше в ней правды, – сухо заметил торговец и добавил: – Скажите Бобби, что его кредит по-прежнему действителен. Я передумал. Он всегда платил мне регулярно, хотя и задерживал оплату. И я не желаю, чтобы мною манипулировала какая-то дрянная газетенка. Так что скажите Бобби, что я буду снабжать его кормами, как раньше. Пусть передаст это своим владельцам.

Я поблагодарил его, вернулся в дом Бобби и еще раз перечитал статейку за чашкой кофе на кухне. Подумал немного и позвонил торговцу кормами.

– Скажите, – спросил я, – вы кому-нибудь говорили, что собираетесь прекратить поставлять корма Бобби?

– Я говорил об этом самому Бобби. – Он тоже призадумался. – Больше никому.

– Точно?

– Совершенно точно.

– Вы не говорили ни своему секретарю, ни домашним?

– Должен признаться, в пятницу я был очень встревожен и хотел немедленно получить свои деньги, но подслушать, как я говорил об этом Бобби, никто не мог, в этом я уверен. По пятницам мой секретарь приходит только в одиннадцать, а офис у меня не в доме, а в пристройке, вы сами видели. Так что могу вас заверить, что, когда я звонил ему, этого никто не слышал.

– Ну спасибо, – сказал я.

– Так что информация могла просочиться только через Бобби, – настойчиво сказал он.

– Да, пожалуй, вы правы.

Положив трубку, я решил прочесть «Ежедневное знамя» от корки до корки. До сих пор это не приходило мне в голову – но вдруг мне удастся найти какое-то объяснение тому, с чего эта газетенка вдруг взялась на совершенно безобидного человека и старается его разорить.

Я обнаружил, что «Знамени» вообще свойствен высокомерный и пренебрежительный тон, что основное его содержание составляют насмешки и издевки и что, прочитав его, человек должен исполниться воинственности, злобы и обиды на весь мир.

Любое происшествие, которое позволяло выставить кого-то в дурном свете, приветствовалось. Похвалы же – отнюдь. «Снижение» сделалось своего рода искусством. Например, женщина, сколь бы преуспевающей и замечательной она ни была, никогда ничего не

«говорила»: она могла «прочирикать», «пискнуть» или «простонать». Мужчина же либо «прогремит», либо «прошипит», либо «проскулит».

Слово «ярость» появлялось на каждой странице. Вещами непременно «швырялись». Когда о человеке говорили, что он что-то «отрицал», это звучало так, что он «виноват, но не желает признаться»; а слово «заявить» в словаре «Знамени» было синонимом слова «соврать»: если о ком-то говорилось: «Он заявляет, что...», это явно означало: «Он говорит, что... но, разумеется, врет».

С точки зрения «Знамени» уважение и почтительность были чем-то бесполезным, зависть – чем-то нормальным, все людские побуждения были грязными, и любить можно было только собак. И, видимо, публике это нравилось – по крайней мере, по словам «Знамени», число подписчиков росло с каждым днем.

Если предположить, что тон газеты отражает личность своего владельца, как, например, тон «Глашатая» отражал личность лорда Вонли, то владелец «Ежедневного знамени» должен был быть низменным, мелочным, расчетливым и опасным человеком с явными садистскими наклонностями. М-да, перспективы мрачные. Это означало, что вряд ли можно было надеяться, что, воззвав к лучшим чувствам «Знамени», нам удастся уговорить его оставить Бобби в покое, потому что лучших чувств у «Знамени» не было.

Холли спустилась вниз. Она выглядела бледной, но повеселевшей. Бобби вернулся с Поля бодрый и веселый. И необходимость разрушить их хрупкую радость заставила меня еще больше возненавидеть «Знамя».

Холли тихо заплакала, а Бобби принялся рассказывать по комнате, ища, что бы расколотить. А вопрос «Зачем?» все еще оставался без ответа.

– Вы знаете, – сказал я, – на этот раз вам стоит посоветоваться с адвокатом. К черту расходы! Нужно немедленно оплатить все серьезные счета и взять у всех кредиторов расписки в том, что им уплачено, размножить их на ксероксе и разослать всем, кто получил копию «Знамени», и в само «Знамя», издателю Сэму Леггату, заказным письмом, и еще всем владельцам, и вообще всем, с кем ты имеешь дело, и приложить к этому твое письмо, в котором должно быть сказано, что нападки «Знамени» беспочвенны, и что ты не понимаешь, на чем они основаны, и что конюшня процветает и ты вовсе не собираешься бросать свое дело.

– Но банк не оплатит наши чеки! – всхлипнула Холли.

– Давай сюда самые крупные счета, – сказал я Бобби. – И в первую очередь счета кузнеца, ветеринара и за перевозку лошадей. Надо заплатить им и всем прочим, кому вы должны крупные суммы.

– Чем?! – сердито осведомился Бобби.

– Я заплачу.

Оба они внезапно умолкли, словно мои слова потрясли их до глубины души. Я с удовольствием отметил, что этот простой выход даже не приходил им в голову. Да, эти двое не привыкли сидеть на чужой шее.

Холли не могла скрыть вспыхнувшей в ней надежды, но все же с сомнением спросила:

– А как же твой новый дом? На него ведь, должно быть, ушли все твои сбережения! А за старый коттедж тебе еще не заплатили.

– Ничего, денег у меня хватит, – заверил я ее. – А теперь давайте займемся делом. Мне скоро отправляться в Пламптон.

– Но мы не можем... – начал Бобби.

– Придется. Так что не спорьте.

У Бобби был такой вид, точно его огрели обухом. Но он все же принес пачку счетов, и я выписал несколько чеков.

– Вот, – сказал я. – Отвези их сегодня лично и возьми расписки в получении по всей форме. Сейчас напишем письмо, которое ты отправишь вместе с ними. И смотри, отксерь

их и обрежь так, чтобы они влезали в конверт. Это надо успеть сделать к сегодняшней дневной почте. Конечно, тебе придется потрудиться, но чем быстрее ты с этим справишься, тем лучше, верно?

– И Грейвсу тоже? – спросил Бобби.

– Непременно!

– Прямо сейчас и начнем, – сказала Холли.

– И не забудьте про торговца кормами, – сказал я. – Он вам напишет что-нибудь хорошее. Ему не понравилось, что «Знамя» пытается им вертеть.

– Мне не хочется об этом говорить, – медленно начала Холли, – но...

– Банк? – спросил я.

Она кивнула.

– С банком пока подождем. Может быть, завтра вам стоит сходить к директору с этим письмом и расписками. Возможно, вам удастся уговорить его восстановить ваш счет. На самом деле, ему стоит это сделать. Банк получает с вас достаточно много процентов, особенно с тех долгов за жеребят. К тому же у тебя есть сами жеребята. Это тоже гарантия.

– Увы... – сказал Бобби.

– Не все сразу, – сказал я.

– Позвоню своему адвокату. Прямо сейчас, – сказал Бобби, взяв трубку и посмотрев на часы. – Он уже должен быть на месте.

– А я бы не стал, – сказал я.

– Но ты же сам сказал...

– У тебя в доме доносчик, – сказал я.

– Что ты имеешь в виду?

– Твой телефон, – сказал я.

Он понял. На лице у него появилось отвращение, и он наполовину простонал:

– О господи!

– Такое часто делается, – сказал я. В Ламборне и в самом деле было время, когда у людей развилась настоящая телефонофобия: все боялись, что их подслушивают. Иногда люди ходили звонить за несколько кварталов, чтобы не пользоваться своим домашним телефоном. Конечно, прослушивать чужие телефонные разговоры – дело незаконное, но тем не менее всем известно, что такое бывает сплошь и рядом.

Так что мы без долгих разговоров развинтили все телефоны в доме, но ничего похожего на «жучки» не обнаружили. Однако все мы лучше разбирались в лошадях, чем в электронике. Поэтому Бобби сказал, что сходит к автомату, позвонит в телефонную компанию и попросит приехать и проверить.

Бобби стоял на коленях у стены кухни и ставил на место телефонную розетку, а мы с Холли стояли рядом посреди кухни и смотрели на него. Поэтому первыми, кого увидел внезапно явившийся посетитель, были мы с сестрой.

Высокий мужчина со светлыми, начинающими седеть волосами, уложенными в безукоризненную прическу. Правильные, приятные черты, гладко выбритый округлый подбородок; подтянутая фигура в сером деловом костюме, весьма породистая. Человек лет пятидесяти, сильный и властный, казалось сразу заполнивший собой всю кухню. В руке у него был сложенный номер «Ежедневного знамени». Увидев нас с Холли, он уставился на нас с нескрываемым отвращением.

Мейнард Аллардек. Отец Бобби.

Я всегда помнил, что он мой враг, и он тоже это помнил. Мы знали друг друга в лицо, поскольку оба вращались в одних и тех же кругах лошадиников. Мы знали друг друга всегда – но предпочли бы никогда не встречаться.

– Филдинги! – с ненавистью бросил Мейнард и спросил меня: – Кой черт принес вас в этот дом?

– Это я его пригласил, – ответил Бобби, выпрямляясь.

Мейнард резко развернулся в его сторону, и отец с сыном впервые за четыре года посмотрели друг другу в глаза.

Они долго стояли, застыв на месте, словно заново изучая знакомые черты. Возможно, они впервые увидели друг друга как чужих, новых людей. Но если кто-то из нас и надеялся на примирение, то оказалось, что у Мейнарда было на уме совсем другое. Он пришел не помочь и даже не посочувствовать, а выразить свое негодование.

Он взмахнул номером «Знамени» и, не здороваясь, воскликнул:

– Да как ты смеешь втягивать меня в свои дразги! Я не потерплю, чтобы ты жаловался на меня всяким репортерам! Ты сам во всем виноват! Если тебе было угодно породниться с этой бандой, так будь любезен сам отвечать за последствия и не вменявай меня во все это!

Бобби растерянно заморгал. Наверно, и мы с Холли тоже. Нас поразила ярость Мейнарда и его внезапная атака, но больше всего – его странная логика.

– Но я ничего не делал! – ответил Бобби. Он едва не упал. – В смысле, я вообще не разговаривал с репортерами! Я бы не стал жаловаться. Они сами все это написали.

– А все это – насчет того, что я отказал тебе в деньгах? Откуда бы они могли это узнать, если ты им ничего не говорил? А?

Бобби сглотнул.

– Но ты же всегда говорил... В смысле, я думал, ты говорил, что не дашь мне денег...

– Конечно, не дам! – Отец уставился на него исподлобья. – Дело не в этом. Какого черта ты распространяешься об этом публично? Я этого не потерплю! Понял?

– Я никому ничего не говорил! – неуверенно запротестовал Бобби.

Я подумал, как отец и сын похожи внешне, и насколько разные у них характеры. Мейнард был раз в шесть сильнее Бобби, но в отличие от него не имел представления о честной игре. Мейнард умел заставлять деньги работать за себя; Бобби работал, чтобы ему платили. Мейнард никогда не забывал обид; Бобби мог поколебаться, сдаться, передумать. Да, Бобби, конечно, был слабее; но в этом и была его сила.

– Ты наверняка трепался направо и налево!

Тон Мейнарда был невыносимо оскорбительным. Я подумал, что, если бы Бобби хотел сообщить всему миру, что отец бросил его на произвол судьбы, у него были бы для этого все основания.

– Мы думаем, что кто-то прослушивает наш телефон! – поспешно сказал Бобби.

– Ах вот оно что! – угрожающе сказал Мейнард, сурово уставившись на развинченный аппарат. – Стало быть, ты ябедничал на меня по телефону?

– Да нет! – с запинкой пробормотал Бобби. – В смысле, я не ябедничал. Но кое-кто советовал мне попросить денег у отца, а я говорил, что не могу.

– А это все откуда? – спросил Мейнард, потрясая в воздухе газетой. – Кто сказал, что я добиваюсь титула? Я этого не потерплю! Это наглая ложь!

И тут я понял – возможно, из-за нескрываемого страха, звучавшего в голосе Мейнарда, – что именно это упоминание о титуле его и разгневало.

«Это не ложь, – уверенно подумал я. – Это правда. Он, видимо, действительно усердно охотится за титулом. Дед говорил, что Мейнард в девять лет хотел быть лордом. А теперь, в пятьдесят, это все тот же Мейнард, но только богатый, влиятельный и, вне сомнения, имеющий доступ к нужным людям. Возможно, именно сейчас он строит тонкие, но совершенно незаконные комбинации...»

Сэр Мейнард Аллардек. Да, неплохо звучит. Сэр Мейнард. Эй, Филдинги, кланяйтесь мне! Кланяйтесь пониже, я теперь выше вас!

– О титуле я ничего не говорил! – запротестовал Бобби еще энергичнее. – В смысле, я даже не знал, что ты хочешь добиться титула. Я об этом никому ничего не говорил. Я даже не думал!

– А почему бы вам не обратиться в газету? – поинтересовался я.

– Помолчите вы! – резко ответил Мейнард. – Не суйтесь, куда не просят! – И снова обратился к Бобби: – Если ты не говорил об этом по телефону, откуда же они узнали? Почему они напечатали эту... эту наглую ложь? А?

– Не знаю! – ответил ошарашенный Бобби. – Я вообще не знаю, почему они все это напечатали!

– Это тебя кто-то подговорил, чтобы ты мне устроил все эти неприятности! – сказал Мейнард. Лицо его сделалось жестоким, злым и по-настоящему опасным.

Мы, все трое, изумленно уставились на него. Как такое вообще могло прийти в голову?

– Да нет же! – воскликнул Бобби, запинаясь еще сильнее. – В смысле, это же просто глупо! Это ведь не у тебя неприятности из-за того, что они понаписали, а у меня! Разве бы я стал устраивать неприятности сам себе? Это же бессмысленно!

– Три человека позвонили мне, когда не было еще и семи, и сказали, что в сегодняшнем «Знамени» появилась еще одна статья! – сердито сообщил Мейнард. – Я купил номер по дороге сюда. Я сразу догадался, что за всем этим стоит твой гнусный шурин или эта свинья, его дед. Это вполне в духе их мерзкой семейки.

– Неправда! – сказала Холли.

Мейнард сделал вид, что ничего не услышал.

– Я приехал сюда сказать, что поделом тебе все это, – продолжал он, обращаясь к Бобби, – и настоять, чтобы ты потребовал от Филдингов полного печатного опровержения.

Бобби потряс головой, словно его огрели дубинкой.

– Но Кит здесь ни при чем! – сказал он. – Он никогда бы такого не сделал! И его дед тоже.

– Тюфяк! – презрительно бросил Мейнард. – Ты никак не можешь понять, что есть люди, которые способны улыбаться тебе и в то же время пырнуть тебя ножом под ребра!

– Они не могли этого сделать из-за Холли! – настаивал Бобби.

– Наивный дурак! – сказал его папаша. – Неужели ты думаешь, что они не хотят разрушить твой брак? Они всегда были против него, так же как и я! А это подлая, ненадежная и мстительная семейка. Они все такие. И если ты имел глупость довериться кому-то из них, значит, ты заслужил все, что с тобой стряслось!

Бобби глянул в мою сторону. В его взгляде не было недоверия – одна лишь неловкость. Мы с Холли и не подумали оправдываться. Вряд ли какие-то слова способны были изменить мнение, которого Мейнард придерживался всю жизнь, или хотя бы задеть его. К тому же мы слишком часто выслушивали подобные инвективы от бабушки в адрес Аллардеков, так что у нас успел выработаться своего рода иммунитет. Самое интересное, что единственным, кто возразил Мейнарду, был Бобби.

– Киту и Холли не все равно, что со мной будет, – сказал он. – А тебе все равно. Кит пришел мне на помощь, а ты нет. Я предпочитаю судить по делам. И я не согласен с тобой.

Судя по лицу Мейнарда, он не поверил своим ушам. Если честно, то и я тоже. Дело было не только в том, что Бобби пошел наперекор всему, чему его учили с детства, – достаточно было уже одного того, что Бобби осмелился бросить вызов своему папаше и заявить об этом ему в лицо.

И на самом деле Бобби, похоже, несколько нервничал. Мне говорили, что Мейнард ухитряется создавать массовую нервозность в офисе любой фирмы, с которой имеет дело, и теперь я понял, как ему это удастся. Основой его успеха была непреклонность и беспощад-

ность, которую мы все трое ощущали очень отчетливо, тем более что сейчас он не пытался скрыть ее за любезностью и обаянием.

Бобби беспомощно развел руками, подошел к раковине и принялся наливать чайник.

– Кофе хочешь? – спросил он у отца.

– Разумеется, нет! – Это было сказано таким тоном, словно Мейнард предложили нечто оскорбительное. – Я еду на собрание комитета Жокей-клуба. – Он взглянул на часы, потом на меня. – Вы, – сказал он, – посмели меня задеть. Вы за это заплатите!

– Если я узнаю, – сказал я спокойно, но отчетливо, – что вы говорили в Жокей-клубе, будто за этой статейкой в «Знамени» стоит кто-то из Филдингов, я лично подам на вас в суд за клевету.

Мейнард злобно уставился на меня исподлобья.

– Дрянь, – сказал он, – дрянью родился, дрянью и помрешь! Ты не стоишь той каши, которая из-за тебя заварилась, и я был бы очень рад узнать, что ты сдох!

Я почувствовал, как Холли, стоявшая рядом со мной, рванулась вперед, и успел поймать ее за запястье, чтобы удержать. Сам я был вполне удовлетворен. В глазах Мейнарда я прочел, что он принимает меня всерьез, но не хочет, чтобы я об этом знал. И еще я впервые понял, что сам факт моего благополучия и преуспевания, того, что я один из лучших жокеев, для него, при его одержимости, нестерпим. И это меня обеспокоило.

В Жокей-клубе, штаб-квартира которого испокон веков располагалась на главной улице Ньюмаркета, Мейнард постарается представить эту статью в «Знамени» как неудачную шутку. Он уже лет пять состоял членом этого клуба. Там-то Мейнард, несомненно, тщательно скрывал свой злобный оскал и был сама любезность. Жокей-клуб был организацией, распоряжавшейся всем, что имело отношение к скачкам. Мейнард был там чем-то вроде мальчика на побегушках, но упорно пробивался наверх, видимо надеясь со временем сделаться одним из распорядителей, членом триумвирата, возглавлявшего клуб. Так что, видимо, он постарается не сказать там ничего такого, что может дойти до меня.

В Жокей-клубе не было ни работающих жокеев-профессионалов, ни тренеров, имеющих лицензию, хотя там состояло несколько жокеев и тренеров, отошедших от дел. Входили в него и владельцы скаковых лошадей – некоторые из них были моими хорошими друзьями. Всего в клубе насчитывалось около ста сорока членов, посвятивших себя процветанию конного спорта. Они сами принимали в клуб неофитов, сами избирали из своей среды людей на руководящие должности. Если Мейнард решил тихо пролезть наверх, ему может помочь и то, что он – член одной из старейших тренерских династий, и то, что он богат, но проявление среди членов клуба грубых, диких предрассудков, направленных против нашей семьи, которым он дал волю на кухне у Бобби, ему на пользу явно не пойдет. Ничто не могло бы настроить против него учтивых и сдержанных членов клуба сильнее, чем подобный бурный всплеск дурных манер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.